История
Общество
Политика

2025

№1(33)

Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 1(33)
2025

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2025. №1 (33)

Сетевое научное периодическое издание.
Точка доступа: http://www.clio-brgu.ru. Размещено на официальном сайте журнала: 31.03.2025

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов.**

Главный редактор: С.В. Артамошин - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: А.В. Федин – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Л.В. Ланник - доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;

А.В. Сагимбаев - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Л. Черноперов - доктор исторических наук, доцент, профессор Ивановского государственного университета;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского»,2025
© Коллектив авторов, 2025

HISTORY SOCIETY POLICY

N 1 (33)
2025

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2025. №1 (33)

Network scientific periodical.
AP: http://www.clio-brgu.ru. Placed on the official website of the journal: 31/03/2025

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

***Chairman of the Editorial Board**:* doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

***Editor in Chief:* S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, pofessor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. IG Petrovsky.

***Deputy Editor:* A.V. Fedin** - doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History and International Relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

L.V. Lannik - doctor of historical sciences, Leading Researcher at the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences;

A.V. Sagimbayev - doctor of historical Sciences, Associate Professor, head of the department of general history and international relations of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.L. Chernoperov - doctor of historical sciences, associate professor, professor, Ivanovo State University;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2025
© Authors, 2025

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Азаров В. А. Гаитянская революция 1791-1904 гг.: борьба за свободу и независимость ***6***

Поддубный Е. Н. Процесс сецессии южных штатов: Путь к Гражданской войне в США ***15***

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Коршунов А. И. Англо-бурская война в зеркале английской прессы: пропаганда, восприятие, реакции ***38***

Петросова Т. Г. Англо-русское соглашение 1907г.: шаг навстречу Великобритании и России, или вынужденная необходимость по разрешению накопившихся противоречий? ***48***

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ

Кусакин А. П. Конфуцианство и легизм: сосуществование и противостояние Китае в V – II вв. до н.э. ***52***

Клименок Д. В. Деятельность Общества евангелизации Китая в 1852-1865 гг. в империи Цин ***61***

ИСТОРИОГРАФИЯ

Карпухин А. А. Историография археологических исследований Брянского региона в XIX в. ***70***

О сетевом издании «История. Общество. Политика» ***76***

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94

В. А. Азаров

Гаитянская революция 1791-1904 гг.: борьба за свободу и независимость

Аннотация: *В этой статье рассматриваются причины, ход и результаты Гаитянской революции 1791–1804 гг. Особое внимание уделяется отношениям между различными группами населения Сан-Доминго, сформировавшимися в результате плантационного хозяйства, а также между метрополией и колонией. Статья основана на анализе актов Учредительного собрания Франции, Декларации уполномоченных Сан-Доминго, конституций Первой республики и периода французского консульства, а также Декларации независимости и конституции Гаитянской империи и, наконец, международных договоров. Показана роль Ф. Д. Туссен-Лувертюра, Ж.-Ж. Дессалина и комиссаров Первой республики в Сан-Доминго в борьбе против рабства и интервентов, которая в конечном итоге привела к образованию независимого государства Гаити.*
Ключевые слова: *Сан-Доминго, отмена рабства, Туссен-Лувертюр, провозглашение независимости Гаити*

Goltsov A.N. Political and legal transformations in the British Empire during the First World War
Abstract: *This article examines the causes, course and results of the Haitian Revolution of 1791-1804. Special attention is paid to the relationships between different groups of the population of San Domingo, formed as a result of plantation farming, as well as between the mother country and the colony. The article is based on the analysis of the acts of the Constituent Assembly of France, the Declaration of the Commissioners of Saint-Domingue, the Constitutions of the First Republic and the Period of the French Consulship, as well as the Declaration of Independence and the Constitution of the Empire of Haiti, and, finally, international treaties. The article shows the role of F. D. Toussaint-Louverture, J.J. Dessalines and the Commissars of the First Republic in Saint-Domingue in the struggle against slavery and the interventionists, which eventually led to the formation of the independent State of Haiti.*
Keywords: *Saint-Domingue, abolition of slavery, Toussaint Louverture, declaration of independence of Haiti*

В 1492 году Христофор Колумб открыл остров Гаити, который назвал Эспаньолой - «испанским островом». Позднее этот остров был назван Санто-Доминго. Город, чьё название позднее перенеслось на весь остров, был основан младшим братом Христофора Колумба Бартоломео в 1496 году в воскресный день и в честь этого получил название Санто-Доминго (исп. *domingo* — «воскресный день»).

До 1697 года остров находился под контролем Испании. В то время на Эспаньоле проживали представители двух индейских племён — араваков и таино. По оценкам ранних испанских хронистов, численность аборигенов в 1492 году составляла от 3 до 4 миллионов человек. Однако более поздние исследования показывают, что эта оценка была завышена. Более реалистичной представляется цифра от 300 до 400 тысяч человек. Испанцы прежде всего обратили внимание на золото в горных местностях острова. Тяжёлые условия труда в рудниках, европейские болезни, эксплуатация и истребление со стороны испанцев привели к быстрому вымиранию индейцев. К 1537 г. из проживавших здесь, по разным оценкам, 100-400 тыс. индейцев в живых осталось лишь 600 человек [1, с. 219-220]). Как результат, в 1505 г. на смену индейцам стали ввозить на Гаити негров.

Первоначально остров полностью находился под контролем Испании и считался «колыбелью» всех испанских колоний в Новом Свете. Однако в середине XVII века на его территорию начали проникать французские пираты. Сначала они обосновались на небольшом

острове Тортуга, расположенном недалеко от северного побережья Эспаньолы, затем постепенно расширяли своё влияние на Эспаньолу, создавая там свои поселения. В 1697 году в результате Рисвикского мирного договора Франция получила право на западную часть острова [2]. Свою новую колонию французы назвали Сан-Доминго. Восточная часть острова, принадлежащая испанцам, сохранила название Санто-Доминго.

Рудники, которые оставили после себя испанцы, уже были полностью истощены, и французы решили сделать упор на сельское хозяйство. Они выращивали сахарный тростник, кофе, хлопок, какао, индиго и бананы. К концу XVIII века новые колонизаторы превратили Сан-Доминго в образцовую рабовладельческую колонию и крупнейшего производителя сахара и кофе в мире. В год здесь производили 61 тысячу тонн сахара, в то время как на Ямайке — 36 тысяч тонн, а в Бразилии — 28 тысяч тонн [1, с. 219-220]. Сан-Доминго стал одной из вершин «атлантического треугольника», торговля в котором быстро увеличивала богатство Французского королевства.

В основе этого богатства лежал рабский труд. При этом, если в 1681 г. из 6000 человек было около 2 тысяч рабов, то к 1789 соотношение изменилось. Из 512 тыс. человек 40 тысяч составляли белые переселенцы и их потомки, 28 тысяч — свободные цветные и 440 тысяч — рабы. При этом население было распределено по территории страны неравномерно, в зависимости от расположения и уровня развития регионов.

Северная провинция со столицей в Кап-Франсе играла ключевую роль как в экономике, так и в численности населения, а также в военно-стратегическом плане. Она была освоена раньше других, обладала удобными портами, что делало её менее уязвимой во время войн с англичанами и более безопасной для торговли. Производственная структура здесь была более развитой. В западной провинции располагалась столица колонии Порт-о-Пренс, где находилась колониальная администрация. Хотя по территории она почти вдвое превосходила северную провинцию, по численности населения она уступала ей. Хотя структура производства в этой провинции отличалась большим разнообразием, засушливые почвы для получения хороших урожаев требовали орошения. Близость к английской Ямайке и уязвимость морских коммуникаций южной провинции Сан-Доминго обусловили более позднюю её колонизацию и отставание от других.

В Сан-Доминго существовало значительное социальное неравенство. Лидирующее положение занимали так называемые «большие белые». К ним относились высшие чиновники колониального аппарата, крупные землевладельцы-креолы (французы, родившиеся в колонии) и агенты французских торговых компаний. Всего их было не более 4000 человек. Вторая группа белых, известная как «маленькие белые», была более многочисленной, но менее влиятельной. В неё входили мелкие плантаторы, адвокаты, коммерсанты и ремесленники.

Промежуточное положение в обществе и в социальном, и в культурном отношении занимали свободные «цветные» — мулаты (представители смешанных браков между европейцами и темнокожими). Некоторые мулаты были весьма состоятельными людьми. Помимо имени они получали от родителей капитал, богатые плантации и большое количество рабов. «Цветным» в целом принадлежало приблизительно 25% всех плантаций и 20% рабов. Обогащение свободных «цветных», приближавшее их к белым, вызывало недовольство последних. Глубинной причиной этого недовольства было потерять повиновение рабов, из чьей среды вышли мулаты. По этой причине, несмотря на свою состоятельность, они не имели право занимать государственные посты и были обязаны почитать даже самых «маленьких белых».

На последней ступени общественной лестницы находились сотни тысяч чернокожих рабов, которых ни белые, ни мулаты не считали за людей [1, с. 220-221]. Они составляли приблизительно 95% всего населения Гаити.

Социальные и расовые конфликты усугублялись политическими и экономическими разногласиями между колонией и метрополией. Особое недовольство плантаторов и местных купцов вызывала политика Парижа в области торговли, монополизированной французской буржуазией. Так, согласно закону 1727 г., было установлено монопольное право Франции на торговлю с колониями, которая могла осуществляться только на французских кораблях. Этот закон стеснял предприимчивость колониальных плантаторов, желавших обеспечить себе более широкий рынок и открыть доступ в колонию товаров, более дешевых, чем французские. Существовали и другие преграды для деятельности плантаторов (запрещение основывать мануфактуры, разводить сельскохозяйственные культуры, которыми Франция снабжала свои заморские владения и др.) [3, с. 35].

Гаитянская буржуазия, лишённая законных механизмов защиты своих интересов, страдала от произвола колониальной бюрократии, что было характерно для прямого управления Францией. В Сан-Доминго плантаторы не имели представительных органов, а вся власть была сосредоточена в руках губернатора и интенданта.

Для поддержания порядка и безопасности использовались как регулярные французские войска, так и колониальное ополчение, состоящее из белых и свободных мулатов. Командование ополчением осуществлялось губернатором, его заместителями и командирами приходов, обладавшими широкими полномочиями. Тем не менее, в церковных приходах командование ополчением часто оказывалось в руках «маленьких белых», которые, возможно, по личным убеждениям или качествам, не стремились к обогащению.

В целом, эта система была несовершенной, предоставляя широкие возможности для произвола бюрократии и нарушая права местного населения.

Революция, как метко подметил в своей книге «История и культура Латинской Америки (от доколумбовых цивилизаций до 1918 г.) Н. Н. Марчук, началась в 1789 г. Ведущую роль на этом отрезке времени играли белые плантаторы, которые добивались отмены французской торговой монополии и были полны решимости повторить опыт США, если того потребовали бы обстоятельства.

В августе 1789 года Национальное собрание Франции приняло Декларацию прав человека и гражданина. Это вызвало беспокойство у креолов Сан-Доминго, которые увидели в документе угрозу своим привилегиям. Согласно первой статье Декларации, все люди от рождения объявлялись свободными и равными. Это означало, по сути, ликвидацию рабства. Более того, согласно статье 6 Декларации, все граждане имели право участвовать в составлении законов лично или через своих представителей. Закон должен быть одинаков для всех с точки зрения защиты и наказания. Все граждане имели равный доступ ко всякому общественному сану, месту и должности, сообразно своим способностям и без всякого иного отличия, как только по добродетелям и талантам. При этом та же статья 6 Декларации давала возможность создавать местные органы власти для составления законов острова, чем и воспользовались креолы [4].

Белые плантаторы потребовали права участвовать в управлении островом. С этой целью они сначала собрали местные учредительные собрания. Сначала в Северной провинции Сан-Доминго, где находилась большая часть креолов. В феврале собрание открылось на Юге, ещё позже в Западной провинции. В апреле 1790 г. в Сен-Марке открылось Генеральное собрание французской части Сан-Доминго. Все действия этих органов власти с точки зрения метрополии были незаконными. Мулаты не в одно из собраний не были допущены.

Собрание в Сен-Марке объявило о передаче полицейских и военных сил, и финансов в свои руки в обход губернатора. Введена цензура, запрещающая говорить о равноправии мулатов и освобождении темнокожих.

Деятельность Собрания основывалось на декрете Учредительного собрания о самоуправлении колоний от 8 марта 1790 г. Однако, как следует из документа, Колониальное собрание Сан-Доминго во многом присвоило себе власть. Хотя Собрание имело право претворять в жизнь или вносить поправки в собственные декреты незамедлительно, решающее слово оставалось за губернатором. Проекты, подготовленные Колониальными собраниями, будут переданы Национальному собранию для рассмотрения и оформления в качестве декрета, после чего они будут представлены на утверждение королю [5, с.177].

Собрание представляло интересы крупных аграриев и крупной буржуазии, а также негоциантов и адвокатов. Несмотря на упоминание в девизе единения с королём, уже 28 мая была принята собственная Конституция, приравнивающая Собрание в Сен-Марке и Учредительное собрание в Париже. Документ закреплял за собранием Сен-Марка все полномочия по разработке законодательства о внутреннем строе страны. В вопросах торговли он признавал законодательную инициативу метрополии, но при том условии, что принятые Францией акты подлежали утверждению собранием Сан-Доминго. «Временно» отменялись все ограничения на импорт в страну продовольственных и иных товаров первой необходимости, то есть вводилась свободная торговля с иностранцами.

Однако большая часть военных Сан-Доминго выступила на стороне губернатора и короля. Провинциальное Собрание Запада было разогнано, а члены Общеколониального собрания 7-8 августа были вынуждены переехать в метрополию, где 12 октября их предыдущая деятельность была объявлена незаконной. Тем не менее деятельность Северного собрания не была прекращена.

28 марта 1790 г. Учредительное собрание Франции приняло предложение своего комитета по колониям предоставить избирательные права «всем гражданам от 25 лет и платящим налоги не менее 10 лет» [6, с. 63]. 21 октября было поднято восстание мулатов под руководством прибывшего из Парижа депутата Оже. Но оно окончилось неудачей. Более 100 мулатов было казнено, бежавший в соседнюю испанскую провинцию Санто-Доминго Оже был вскоре выдан Северному собранию и колесован. В 1791 г. было, наконец, созвано Колониальное собрание, которое, правда, сразу же разделилось на партии Севера и Запада.

Пытаясь переломить ситуацию с бунтующей колонией, 15 мая 1791 г. Учредительное собрание в Париже приняло решение о предоставлении цветным свободным гражданам, рождённым от свободных родителей, равных прав с белыми [5, с. 184]. Закон носил явный компромиссный характер.

Согласно документу, ныне существующие Колониальные собрания будут сохранены, но цветные люди, рожденные от свободных и отца, и матери, будут допущены к участию во всех будущих приходских и Колониальных собраниях, если при этом они соответствуют всем требуемым условиям. Однако колонисты Сан-Доминго, принадлежавшие к белому населению, отказались выполнять это решение. В ответ свободные граждане, принадлежавшие к чёрному и цветному населению, взяли в руки оружие, чтобы защитить свои права [7, с. 104-105]. Вскоре и мулаты, обиженные неполучением требуемых прав, создали свою армию 31 августа 1791 г. Попытка приостановить восстание мулатов ни к чему не привела.

Незадолго до того, 14 августа 1791 г. вождь Букман осудил несправедливость, призывая рабов обратиться к истинному Богу и бороться за свою свободу. Его слова стали искрой, разжегшей пламя восстания, которое охватило значительную часть Гаити. В течение недели были разрушены сотни плантаций и убиты тысячи рабовладельцев [8, p. 152].

Восстание, возглавляемое Букманом, стало одним из самых масштабных и кровопролитных в истории Гаити. За полтора месяца было уничтожено более тысячи французов и выведено из строя 200 из 288 сахарных и 1200 из 2009 кофейных плантаций. Незамедлительно

последовала жестокая расправа: 10 тыс. рабов были повешены на деревьях в самых людных местах. Сам вождь рабов в ноябре того же года он был застрелен в бою с французскими войсками. Его отрубленная голова была выставлена на площади в Кап-Франсе, символизируя жестокость и беспощадность колониальных властей.

Ситуацию попытались изменить прибывшие 28 ноября 1791 г. по указанию из Парижа комиссары Учредительного собрания Мирбек, Руми и де Сен-Леже. Им предлагалось изучить причины волнений, «объединить вокруг себя наиболее уважаемых членов враждующих партий, образовав примирительный комитет, и добиться искреннего согласия», умиротворения, порядка и счастья местного населения, не исключая негров. При этом им давались широкие полномочия в области административных мероприятий. Однако вскоре после высадки на остров комиссары поняли, что их инструкции потеряли всякий смысл.

То, что представилось глазам комиссаров, превзошло все их ожидания и опасения. Вся колония находилась в состоянии гражданской войны. Мулаты воевали с белыми и черными; «белые земледельцы», как они себя называли, враждовали с мелкобуржуазными креолами, черные рабы отказывались повиноваться как тем, так и другим. Комиссары, в союзе с губернатором, потребовали от мулатов подчинения закону, но в их распоряжении не оказалось вооруженной силы для того, чтобы заставить сделать это. Более того, 25 августа 1791 г. была совершена атака повстанцев на Кап-Франсе лишь с помощью местного ополчения

Колониальное собрание активно противодействовало комиссарам, подрывая их авторитет в глазах населения. Покушения на жизнь комиссаров заставили их, наконец, пригрозить, что они покинут колонию. Мирбек действительно уехал в метрополию 4 апреля 1792 г.: Рум и Сен-Леже уехали позднее, чтобы доложить о сложившейся обстановке в колонии. В тот же день в Париже, произошло событие, которое могло повлиять на судьбу цветного населения в Сан-Доминго. Был издан декрет Национального собрания, предоставляющий равные права свободным цветным людям с колонистами [9].

На остров были отправлены новые комиссары, которые достигли колонии 17 сентября. Однако 25 января 1793 г. колонисты во главе с маркизом Борелем восстали против комиссаров Сонтонакса и Полвереля. Колонисты-роялисты «большие белые» и богатые рабовладельцы, а также «малые белые», скромные или бедные, или бывшие республиканские колонисты объединились в общей оппозиции мулатам и свободным цветным людям. Колонисты вооружили своих рабов, объединили силы с солдатами Артуаского полка и стали хозяевами Порт-о-Пренса. Затем повстанцы отправили письмо в Лондон, в котором заявили о своей готовности перейти под сюзеренитет Британского королевства в обмен на сохранение своих законов. Однако всего лишь в течение 3 дней (12-14 апреля 1793 г.) комиссары подавили восстание, в результате усиленной бомбардировки города. Борель, лидер повстанцев, бежал на Ямайку, а его рабы были разоружены и возвращены на свои плантации [10, pp. 56-57].

Восстание Бореля заставило комиссара Сантонакса принять экстренные меры. 29 августа 1793 г. он принял Декларацию об освобождении рабов. Все рабы и мулаты получают свободу и приравниваются к французским гражданам. В частности, для получения гражданства они должны пройти регистрацию, после этого они имеют право наняться на работу к бывшим хозяевам, однако при этом зарплата выплачивается раз в 3 месяца. Кроме того, часть дохода от земельного участка, согласно декрету, распределяется между работниками. Осуществляется социальная поддержка. В случае возможных споров и поддержания порядка вопросы остаются в ведении мировых судей, под общим контролем генеральный инспектор Северной провинции [11].

Позднее 4 февраля 1794 г. был принят декрет Конвента об уничтожении рабства в колониях. Согласно закону, все мужчины, без различия цвета кожи, проживающие в колониях,

являются гражданами Франции и будут пользоваться всеми правами, гарантированными конституцией [12].

Результат этих действий долгое время был неочевиден. К маю 1794 г. испанцы захватили 2/3 Северной провинции в союзе с гаитянскими рабами, а англичане 1 июня 1794 г. захватили Западную провинцию, взяв Порт-о-Пренс. Причиной таких успехов интервентов стала их поддержка со стороны местного населения. Если креолы в основном поддерживали англичан, что ясно показало неудачное восстание Бореля, то испанцев поддерживали рабы. Но этот остров стоило бы назвать «остров невезения». После объявления войны Францией Англии и Испании эти империи попытались забрать «ничейный» остров. Испанцы использовали для завоевания острова довольно внушительную армию рабов во главе с Жаном Франсуа. Его заместителями были Дессалин, Кристоф и Туссен. С этой целью испанцы снабдили это войско оружием, боеприпасами и пообещали в случае победы отменить рабство.

К счастью, для комиссаров, произошёл раскол в рядах рабов. Состоявший на службе испанцев с 1792 г., в мае 1794 г. Туссен перешёл на сторону французов после издания декрета Конвента об отмене рабства. В то же время его бывший начальник Жан Франсуа продолжил поддерживать испанцев.

Вожак местных рабов генерал Пьер-Доминик Туссен-Бреда, или Туссен Лувертюр, сын раба плантации Бреда, талантливый организатор и полководец, с 1792 г. состоявший на испанской службе, продолжал выступать за права темнокожих военным путём.

В 1776 г. ему удалось обрести свободу. Женившись на мулатке, Туссен сам превратился в рабовладельца, арендовав у тестя 15 га земли вместе с 12 рабами. От первого, а затем и второго брака у него было трое детей. Самым известным из них станет младший сын Исаак, опубликовавший мемуары отца [13, с. 296, 297].

После перехода на службу Республике Туссен внезапно ударил со своими отрядами в тыл испанцам и вынудил их убраться в Санто-Доминго, которое впоследствии, согласно статье IX, Базельского мирного договора 1795 г., перешло Франции. Затем к февралю 1798 г. негры очистили остров от англичан и тем окончательно сокрушили национально-освободительное движение белых колонистов Гаити. Более того, декретом от 1 января 1798 г. французская Директория подтвердила свободу и равноправие бывших рабов. В 1801 г., желая добиться отмены рабства на всем острове, Туссен без разрешения властей метрополии оккупировал испанское Санто-Доминго (в XIX в. эта территория станет независимой под названием Доминиканская республика), ускорив его переход под опеку Франции.

В результате восстание рабов не только не ослабило, но, и, в конце концов, упрочило влияние Франции на острове, передав полный контроль над ним Первому консулу. За предыдущие заслуги перед метрополией Туссен был возведен в чин дивизионного генерала, назначен помощником губернатора и главнокомандующим вооруженными силами Сан-Доминго. Новую ситуацию должна была подтвердить Конституция Сан-Доминго 1 июня 1801 г., разработанная с участием Туссена.

В Статье 1 указывалось, что остров Сан-Доминго полностью входит в состав Франции, как и прилегающие острова Самана, Ла-Тортю, Ла-Гонава, Ле-Кайемит, Иль-а-Ваш, Ла-Сон. При этом колония «управляется по особым законам». Также в ст.3 указано, что все жители указанных территорий, начиная с рождения являются французами.

Согласно ст.3 рабство навсегда отменяется, все жители рождаются свободными. А согласно ст.4 Конституции все мужнины независимо от цвета кожи имеют право на работу. Статья 5 указывает равенство всех, в том числе перед законом.

В документе нашел отражение и принцип неприкосновенности частной собственности наряду со всеми буржуазными свободами (ст. 12 и 13). Согласно конституции, внутренний

строй колонии определялся законами, предложенными губернатором, но обязательно утверждаемыми Центральной ассамблеей Сан-Доминго (ст. 19 и 20). Административная власть поручалась губернатору, и на эту должность пожизненно назначался главком вооруженных сил Туссен, учитывая «важные услуги, которые он оказал колонии в критические моменты революции» (ст. 27 и 28). При этом приемника должен был выбрать сам Туссен, и вступить он должен был в обязанности сразу после смерти «пожизненного губернатора» (ст. 31) [14].

По словам историка Н. Н. Марчука, после того как Туссен пришёл к власти, его действия изменили отношение недавних соратников по оружию к нему. Из освободителя и открывателя пути к лучшей жизни он превратился в душителя свободы бывших рабов.

С одной стороны, новый губернатор ввёл запрет на телесные наказания. Государство через уполномоченных комиссаров контролировало плантаторов и управляющих, наказывая их за злоупотребления. Губернатор лично вникал во все детали и принимал жалобы. Позднее, губернатор подписал торговое соглашение с англичанами и открыл гаитянские порты для американских купцов.

С другой стороны, Туссен, издав «Регламент обработки земли» запретил бывшим рабам занимать покинутые плантации и основывать мелкие хозяйства, вместо этого пытаясь восстановить крупное плантационное хозяйство, утвердив права хозяев и призывая эмигрировавших плантаторов вернуться, обещая им неприкосновенность личности и собственности. Темнокожих Туссен в принудительном порядке возвращал на их бывшие плантации в качестве неимущих и несвободных рабочих, запретив им покидать «свои» плантации и установив декретами железную дисциплину труда. Плантации, не возвращенные хозяевам, становились государственной собственностью и управлялись чиновниками. Собственники получали треть доходов, треть отдавалась государству в виде налога, а оставшаяся треть составляла фонд заработной платы работников [1, с. 230].

В итоге напряжение в обществе возрастало. Появились новые землевладельцы – бывшие рабы из числа офицеров армии. Комиссары по земледелию становились арендаторами или администраторами плантаций, ведя хозяйство за свой счет. Плантаторы усиливали давление на бывших рабов, урезая завоеванную свободу, вызывая недовольство новой аграрной системой.

В конце, концов, молодые темнокожие не смогли согласиться с принятием «Регламента обработки земли». С его введением на севере страны вспыхнуло восстание крестьян и солдат под руководством племянника Туссена генерала Муаза. Туссену пришлось подавлять восстание силой, расстреливая людей, что привело к ещё большему падению его авторитета.

Ситуацию усугубили действия французского правительства, которые ввергли страну в новую гражданскую войну. На Гаити был послан шурин Наполеона генерал Леклерк. С ним прибыли 34 тыс. солдат, возглавляемых 13 дивизионными, 27 бригадными генералами и множеством закаленных на европейских полях сражений офицеров. Туссен сначала боролся против войск метрополии, но позднее обманом его удалось арестовать, вывезти его во Францию, где он и умер в заключении в 1803 г.

Как верно отметила в своей статье Гончарова Т. Н., декабрьская конституция 1799 г., юридически закрепившая режим Консулата, исключила колонии из своей сферы действия, декларировав, что «устройство французских колоний определяется специальными законами» (ст. 91). Это означало возврат к ситуации, существовавшей при монархии, как абсолютной, так и конституционной, в начале революции. Тем самым французское правительство режима Консулата получало свободу рук в колониях, экономическая и стратегическая значимость которых не подвергалась сомнению [15, с. 33].

Сначала жители Сан-Доминго поддержали войска метрополии, но известие о декрете 20 мая 1802 г., возвращающего рабство в колониях [16], отвернуло от них бывших рабов. Вскоре их поддержали мулаты, которые решили, что после темнокожих вскоре придёт их черёд. Негритянско-мулатский блок возглавил бывший раб Жан Жак Дессалин, проявивший незаурядные качества полководца в ходе освободительной войны против французов. Победители, негры и мулаты, потеряли 60 тыс. человек, но зато вывели из строя 50 тыс. французов и вынудили их капитулировать 18 ноября 1803 г. В конце концов, 1 января 1804 г. Дессалин обнародовал декларацию независимости, согласно которой новое государство получило название Гаити [17].

Сразу после прихода к власти Дессалин устроил чистку по расовому признаку, уничтожив около 10 тыс. «белого» населения, а вскоре принял новую конституцию в 1805 г., запрещающую проживание белого населения, кроме выжившего в результате чистки («уже натурализованного правительством») (Ст.12-13).

В 14 статье «первый магистрат, император и главнокомандующий» (ст.19) объявляет о том, что всё население Гаити объявляется «чёрным» [18].

Конфликт между местными властями и метрополией перерос в вооружённое столкновение, в результате которого к власти пришла группа людей африканского происхождения, вытеснив представителей других этнических групп. Восстание, которое началось как борьба креолов за экономические привилегии и цветного населения за политические права, привело к приходу к власти бывшего раба Дессалина, что стало причиной расистской диктатуры.

Подведя итог вышесказанному, можно сделать следующий вывод. Гаити является «жемчужиной Антильских островов». Развитое плантационное хозяйство, основанное на жёстких условиях труда рабов, с одной стороны, способствовало обогащению французских королей, с другой – развитию института рабства на данной территории. К концу XVIII века население Сан-Доминго было весьма неоднородным и враждебным по отношению друг к другу. Подавляющую часть населения составляли негры-рабы, привезённых из разных регионов Африки, а также свободные «цветные» - мулаты и белые французские колонизаторы. По своей сути Гаитянская революция – это борьба за предоставление политических и гражданских прав и свобод, а также экономическую независимость от метрополии. Итогом этой борьбы стала отмена рабства и провозглашение независимого государства Гаити. Эта революция стала началом формирования гаитянской нации. Фактически с этого времени и вплоть до начала оккупации Гаити со стороны США в 1915 г. государство оставалось независимым.

Гаити стало показательным примером для других стран Латинской Америки. Появились новые лидеры, которые, подобно Туссену и Дессалину, вели борьбу против европейских захватчиков и в ходе национально-освободительного движения свергали власть стран Старого Света. Ярким примером такого лидера стал Симон Боливар. Кроме того, приход к власти рабов на Гаити стала показательным примером возможности победы аболиционизма, что в конце концов привело к ликвидации рабовладения во всех колониальных империях.

Библиографический список

1. Марчук Н. Н. История и культура Латинской Америки. М.: Высш. шк., 2005. 494 с.
2. Кондрашова Э. В., Ермоленко А. С. и др. ГАИТИ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2017); https://old.bigenc.ru/geography/text/2340307. (Дата обращения: 13.03.2025)
3. Альперович М.С., Слёзкин Л.Ю. История Латинской Америки (с древнейших времён до начала XXв.). М.: Высшая школа,1991. 286 с.
4. Декларация прав человека и гражданина. - URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Декларация_прав_человека_и_гражданина (Дата обращения: 10.03.2025)

5. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. М.: Прогресс. 1977. Т. I.
6. Кулакова, Н.Н.. Гаитийцы: формирование этноса (колониальная эпоха).— Москва : ИЭИА, 1993. — 169 с.
7. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 546 с.
8. Sylviane A. Diouf. Servants of Allah: African Muslims Enslaved in the Americas - NYU Press, 1998. 254 p.
9. Décret du 4 avril 1792. – URL: https://www.assemblee-nationale.fr/histoire/esclavage/decret1792.pdf?fbclid=IwAR2PSYCB-b4taeTMNr8C4XZxABC5qNVRUlCjlunemq5mNL1fioZ-LMdUtnk (Дата обращения: 10.03.2025)
10. Forsdick, Charles; Høgsbjerg, Christian. Toussaint Louverture: A Black Jacobin in the Age of Revolutions. London: Pluto Press, 2017. 179 p.
11. Proclamation du 29 août 1793. – URL: https://www.archives-nationales.culture.gouv.fr/documents/10157/239604/Commissaire+Sonthonax+grand+format/69e40c18-8112-43bf-8fa1-62dd5506d156?t=158866630500 (Дата обращения: 10.03.2025)
12. Décret d'abolition de l'esclavage du 4 février 1794. – URL: Décret d'abolition de l'esclavage par la Convention- Archives nationales-BB-34-1-58.jpg (Дата обращения: 10.03.2025)
13. Ларин Е. А. Всеобщая история. Латино-американская цивилизация. М.: Высш. шк., 2007. – 493 с. С.296, 297.
14. Constitution of 1801. - URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Saint-Domingue (Дата обращения: 06.03. 2025).
15. Гончарова Т.Н. Контрреволюция 1802 года во французских колониях: решение Бонапарта о восстановлении рабства// Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. [№] 21 (1). СПб, 2021. С.33
16. LOI relative à la traite des Noirs et au régime des Colonies, du 30 floréal an X de la République une et indivisible. - https://www.napoleon.org/histoire-des-2-empires/articles/document-loi-relative-a-la-traite-des-noirs-et-au-regime-des-colonies-20-mai-1802-30-floreal-an-x/ (Дата обращения: 12.03. 2025).
17. Acte de l'Indépendance de la République d'Haïti. –URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Acte_de_l%27Indépendance_de_la_République_d%27Haïti (Дата обращения: 06.03. 2025).
18. Constitution of Hayti (1805). - URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_Hayti_(1805). (Дата обращения: 15.03.2024).

Сведения об авторе:
Азаров Владимир Александрович, магистрант 1 курса магистратуры Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: volodya.azarov2016@yandex.ru

УДК 94(430).084

Е. Н. Поддубный

Процесс сецессии южных штатов: Путь к Гражданской войне в США

Аннотация: *Статья посвящена процессу сецессии (отделения) южных штатов США, который привел к Гражданской войне в 1861 году. Основное внимание уделено причинам, побудившим южные штаты выйти из состава Союза, ключевым событиям и политическим решениям, которые предшествовали началу конфликта.*
Ключевые слова: *Сецессия, Гражданская война в США, Рабство, Конфедеративные Штаты Америки, Авраам Линкольн, Республиканская партия, Южная Каролина, Права штатов, Форт Самтер, Пограничные рабовладельческие штаты, Экономические интересы, Политические лидеры, Религиозное оправдание рабства, Декларации об отделении, Военные действия.*

Denisov S.I. Legal regulation of social and labour relations in Germany at the final stage of the first world war

Abstract: *The article is devoted to the process of secession (secession) of the southern states of the United States, which led to the Civil War in 1861. The primary emphasis is on the reasons that prompted the southern states to secede from the Union, key events and political decisions that preceded the outbreak of the conflict.*
Keywords: *Secession, the American Civil War, Slavery, the Confederate States of America, Abraham Lincoln, the Republican Party, South Carolina, States' rights, Fort Sumter, Frontier Slave States, Economic interests, Political leaders, Religious justification of slavery, Declarations of Secession, Military actions.*

Гражданская война в США стала неизбежной, когда в ответ на растущее сопротивление Севера против рабства несколько южных штатов начали выходить из состава союза. Этот процесс стал финальной игрой политической битвы, развернувшейся между Севером и Югом вскоре после Американской революции. Избрание Авраама Линкольна в 1860 году стало последней каплей для многих южан. Они чувствовали, что его целью было игнорировать права штатов и лишить их возможности порабощать людей.

Прежде чем все закончилось, одиннадцать штатов вышли из состава Союза. Четыре из них (Вирджиния, Арканзас, Северная Каролина и Теннесси) отделились только после битвы при Форт-Самтере 12 апреля 1861 года. Еще четыре штата, граничащие с рабовладельческими штатами ("пограничные рабовладельческие штаты"), не вышли из состава Союза: Миссури, Кентукки, Мэриленд и Делавэр. Кроме того, территория, которая впоследствии стала Западной Вирджинией, была образована 24 октября 1861 года, когда западная часть Вирджинии предпочла отделиться от остальной части штата вместо отделения.

Порядок отделения во время гражданской войны в США

В следующей таблице показан порядок, в котором штаты вышли из состава Союза.

Штат	Дата отделения
Южная Каролина	20 декабря 1860 г.
Миссисипи	9 января 1861 г.
Флорида	10 января 1861 г.
Алабама	11 января 1861 г.
Джорджия	19 января 1861 г.
Луизиана	26 января 1861 г.
Техас	1 февраля 1861 г.
Вирджиния	17 апреля 1861 г.
Арканзас	6 мая 1861 г.
Северная Каролина	20 мая 1861 г.
Теннесси	8 июня 1861 г.

Южная Каролина: стала первым штатом, вышедшим из состава Союза в декабре 1860 года, а в феврале 1861 года вошла в число основателей Конфедерации. Белое население штата с XVIII века активно поддерживало институт рабства. Политические деятели, такие как демократы Джон Калхун и Престон Брукс, разжигали как региональные, так и национальные настроения в защиту рабства, а многие сторонники этого института открыто призывали к отделению.

На протяжении десятилетий политические лидеры Южной Каролины подогревали напряженность в регионе, угрожая аннулированием федеральных законов и отделением, чтобы отстаивать права южных штатов и защищать интересы рабовладельческой элиты. Альфред П. Олдрич, политик из Барнуэлла, заявил, что отделение станет необходимым, если на президентских выборах 1860 года победит кандидат от Республиканской партии. По его словам, это был единственный способ сохранить рабство и ограничить влияние республиканцев, выступавших против него. Олдрич предупреждал, что реализация их целей по отмене рабства приведет к «разрушению Юга».

«Если Республиканская партия со своей платформой принципов, главной особенностью которой является отмена рабства и, следовательно, уничтожение Юга, победит в стране на следующих президентских выборах, останемся ли мы в Союзе или сформируем отдельную Конфедерацию? Это великая, серьезная проблема. Дело не в том, кто будет президентом, не в том, какая партия будет править – это вопрос политического и социального существования». [7]

В выступлении, произнесенном в январе 1860 года, представитель Южной Каролины Лоуренс Массильон Кейт выразил данную позицию в своем публичном выступлении, критикующем "антирабовладельческую партию" (Республиканскую партию) за ее противостояние рабству. Он утверждал, что рабство не являлось нравственно неправильным, а, наоборот, имело свои обоснования.:

«Партия борьбы с рабством утверждает, что рабство само по себе является неправильным, а правительство представляет собой консолидированную национальную демократию. Мы, жители Юга, утверждаем, что рабство - это правильно...» [22]

Позже в том же году, в декабре, Кейтт заявит, что объявление Южной Каролиной отделения было прямым результатом рабства:

«Наш народ пришел к этому по вопросу о рабстве». [33]

10 ноября 1860 года законодательное собрание Южной Каролины инициировало проведение «Собрания представителей народа Южной Каролины» с целью обсуждения возможного выхода из состава федерации. Выборы делегатов были назначены на 6 декабря. [6, p. 60] Собравшаяся в Колумбии 17 декабря ассамблея, посвященная вопросу отделения, единогласно поддержала решение о разрыве связей с Соединенными Штатами (169 голосов «за» при отсутствии возражений). После этого участники собрания переместились в Чарльстон для подготовки документа, официально закрепляющего выход штата из состава федерации. 20 декабря 1860 года, после принятия соответствующего акта, Южная Каролина стала первым южным штатом, где практиковалось рабовладение, заявившим о своем отделении от США. Президент Джеймс Бьюкенен, возглавлявший страну в тот период, признал это решение противозаконным, однако не предпринял никаких мер для его блокирования.

Комитет, сформированный в рамках конвенции, также подготовил «Декларацию о непосредственных причинах, побудивших и оправдывающих отделение Южной Каролины». Документ был принят 24 декабря. [11] В декларации указывалась ключевая причина, по которой Южная Каролина решила выйти из состава Соединенных Штатов. Эта причина формулировалась следующим образом:

«...возрастающая враждебность со стороны штатов, где рабство отсутствовало, по отношению к институту рабовладения...». [11]

В декларации также подчеркивается, что решение об отделении было принято в связи с отказом свободных штатов исполнять законы о беглых рабах. Хотя в документе утверждается, что отделение оправдано «посягательствами федерального правительства на закрепленные за штатами права», большинство приведенных в декларации претензий касаются имущественных интересов рабовладельцев. В целом, в декларации говорится, что Конституция США была разработана с целью установления равноправия всех штатов в составе Союза, при этом каждый штат сохранял «независимый контроль над своими внутренними институтами», включая «право собственности на рабов».

«Мы подтверждаем, что цели, ради которых было создано это правительство, потерпели поражение, а само правительство стало разрушительным для них в результате действий не рабовладельческих штатов. Эти штаты присвоили себе право принимать решения о целесообразности наших внутренних институтов; и отказали в правах собственности, установленных в пятнадцати штатах и признанных Конституцией; они осудили как греховный институт рабства; они разрешили открытое создание среди них обществ, общепризнанной целью которых является нарушение мира и присвоение собственности граждан других штатов. Они поощряли и помогали тысячам наших рабов покинуть свои дома; а тех, кто остался, эмиссары, книги и фотографии подстрекали к восстанию рабов». [11]

Одной из постоянных проблем, поднятых в декларации, был вопрос о беглых рабах. В документе утверждается, что отдельные положения Конституции США были специально разработаны для обеспечения возвращения рабов, сбежавших в другие штаты. В частности, цитируется 4-я статья Конституции: «Ни одно лицо, обязанное служить или работать в одном штате согласно его законам и бежавшее в другой штат, не может быть освобождено от своих обязательств на основании местных законов или постановлений, но должно быть выдано по требованию стороны, имеющей право на такие услуги или труд». Декларация подчеркивает, что это положение было настолько важным для создателей Конституции, что «без него данный договор (Конституция) не был бы заключен». В течение многих лет, как утверждается в документе, федеральное правительство поддерживало это положение, однако «растущая враждебность не рабовладельческих штатов к институту рабства привела к игнорированию их обязательств». Поскольку конституционное соглашение было «намеренно нарушено и проигнорировано не рабовладельческими штатами», Южная Каролина заявляла, что "освобождается от своих обязательств" перед Союзом.

Еще одной причиной отделения стало недавнее избрание Авраама Линкольна на пост президента. В декларации утверждается, что Линкольн стремился к тому, чтобы рабство оказалось на «пути окончательного исчезновения». В документе говорится:

«Географическая граница была проведена через Союз, и все штаты к северу от этой линии объединились для избрания человека на пост президента Соединенных Штатов, чьи взгляды и цели враждебны рабству. Ему предстоит управлять федеральным правительством, поскольку он заявил, что "правительство не может постоянно существовать, будучи наполовину рабовладельческим, наполовину свободным", и что общественное мнение должно быть уверено в том, что рабство движется к своему окончательному исчезновению». [11]

Декларация об отделении Южной Каролины, принятая в декабре 1860 года, включала в себя некоторые элементы, заимствованные из Декларации независимости США от июля 1776 года. Однако в южнокаролинской версии были опущены ключевые фразы, такие как «все люди созданы равными», «что они наделены своим Создателем определенными неотъемлемыми правами», а также упоминания о «согласии управляемых». Профессор и историк Гарри

В. Джаффа обратил внимание на эти упущения в своей книге 2000 года «Новое рождение свободы: Авраам Линкольн и начало Гражданской войны»:

«Южная Каролина цитирует, в общих чертах, но с со значительной точностью, некоторые формулировки первоначальной декларации. В этой декларации действительно говорится, что народ имеет право упразднить любую форму правления, которая становится разрушительной для целей, ради которых она была создана. Но Южная Каролина не повторяет предшествующую формулировку в более раннем документе: "Мы считаем эти истины самоочевидными, что все люди созданы равными"...». [7]

Джаффа подчеркивает, что Южная Каролина сознательно исключила упоминания о равенстве людей и согласии управляемых из своей декларации об отделении. Это было связано с тем, что сепаратистски настроенные жители Южной Каролины, придерживавшиеся расистских и прорабовладельческих взглядов, не разделяли эти идеалы. Он пишет:

«Правительства являются легитимными только в той мере, в какой их «законные полномочия» проистекают «из согласия управляемых». Всё вышесказанное опущено в декларации Южной Каролины по очевидным причинам. Ни в коем случае нельзя было сказать, что рабами в Южной Каролине управляли полномочия, проистекающие из их согласия. Также нельзя было сказать, что Южная Каролина отделялась от правительства Союза, потому что это правительство стало препятствовать достижению целей, ради которых оно было создано. В 1860 году в Южной Каролине представление о том, какими должны быть цели правительства, сильно отличалось от представлений 1776 или 1787 годов. Это различие можно свести к разнице между отношением к рабству как к злу, пусть и необходимому, и отношением к нему как к положительному явлению». [7]

25 декабря, на следующий день после провозглашения Южной Каролиной отделения, съезд штата опубликовал "Обращение к рабовладельческим штатам". В этом документе подчеркивались преимущества экономической и социальной системы Юга, основанной на рабстве:

«Однако мы предпочитаем нашу промышленную систему, при которой труд и капитал отождествляются в процентах, и капитал, следовательно, защищает рабочую силу, при которой наше население удваивается каждые двадцать лет, при которой голод неизвестен, а изобилие венчает землю, при которой порядок поддерживается неоплачиваемой полицией, а самые плодородные регионы мира, где белый человек не может трудиться, становятся полезными благодаря труду африканцев, и весь мир благословляется нашим собственным производством... Мы просим вас присоединиться к нам в формировании Конфедерации рабовладельческих штатов». [2]

«Гражданскую войну породило рабство, а не права штатов», — утверждает социолог Джеймс У. Левен. В своем анализе Декларации отделения Южной Каролины он пишет:

«Южная Каролина была еще больше расстроена тем, что в Нью-Йорке больше не разрешался "транзит рабства". В прошлом, если чарльстонские джентри хотели провести август в Хэмптоне, они могли взять с собой своего повара. Больше нет — и делегаты Южной Каролины были возмущены. Кроме того, они возражали против того, что штаты Новой Англии разрешают чернокожим мужчинам голосовать и терпимо относятся к аболиционистским обществам. Согласно Южной Каролине, штаты не должны иметь права разрешать своим гражданам собираться и свободно высказываться, когда-то, что они говорили, угрожало рабству. Другие отделяющиеся штаты повторили Южную Каролину. «Наша позиция полностью отождествляется с институтом рабства — величайшим материальным интересом мира», - провозгласила Миссисипи в своей собственной декларации об отделении, принятой 9 января 1861 г. «Ее рабочая сила поставляет продукт, который на сегодняшний день составляет самую

большую и важную часть торговли на земле... Удар по рабству - это удар по торговле и цивилизации».[9]

Штат Южная Каролина принял флаг с изображением пальметто в качестве своего символа, и слегка измененная версия этого флага используется в качестве современного государственного флага.[10] После отделения Южную Каролину часто называли «Пальмовой республикой». [6, p. 79]

После объявления о выходе из Союза бывший конгрессмен Джеймс Л. Петигру с сарказмом заметил: «Южная Каролина слишком мала для республики и слишком велика для сумасшедшего дома». Вскоре после этого штат начал готовиться к возможному военному ответу со стороны США, одновременно активно убеждая другие южные штаты последовать их примеру и присоединиться к конфедерации южных штатов.

4 февраля 1861 года в Монтгомери, штат Алабама, состоялся съезд делегатов от Южной Каролины, Флориды, Алабамы, Миссисипи, Джорджии и Луизианы. Целью съезда было создание новой конституции и правительства по образцу Соединенных Штатов. [13] 8 февраля 1861 года Южная Каролина официально присоединилась к Конфедерации. Как писал редактор одной из газет Южной Каролины:

«Юг сейчас находится в процессе создания Рабовладельческой республики...». [30]

Отделение Южной Каролины также получило поддержку со стороны религиозных лидеров штата, которые утверждали, что этот шаг соответствует принципам их веры:

«В этот самый момент триумф христианства зависит от рабства, а рабство зависит от триумфа Юга... Эта война — слуга рабства». [35]

Миссисипи: стал вторым южным штатом, объявившим о своем отделении от Соединенных Штатов 9 января 1861 года. 4 февраля 1861 года он вместе с шестью другими южными штатами сформировал Конфедеративные Штаты Америки.

За несколько лет до начала Гражданской войны рабовладельческий штат Миссисипи активно поддерживал Демократическую партию, особенно по мере ослабления влияния партии Вигов. На президентских выборах 1860 года штат отдал большинство голосов кандидату от южных демократов Джону К. Брекинриджу, который получил 40 768 голосов (59,0% от общего числа 69 095 поданных бюллетеней). Джон Белл, представлявший Партию конституционного союза, занял второе место, набрав 25 045 голосов (36,25%), а Стивен А. Дуглас, северный демократ, получил лишь 3282 голоса (4,75%). Авраам Линкольн, победивший на национальных выборах, не был включен в бюллетени для голосования в Миссисипи. Как писала одна из газет Миссисипи в конце 1850-х годов:

«Спор о рабстве в Соединённых Штатах представляет собой пример самого яростного противостояния интересов и мнений. Никакие убеждения, ни мольбы, ни призывы не могут унять ожесточённую вражду между двумя...». [17]

Миссисипи, долгое время являвшийся центром сепаратистских настроений и ярым сторонником рабства и прав южных штатов, объявил о своем отделении от Соединенных Штатов 9 января 1861 г. Это произошло спустя два месяца после победы Республиканской партии на президентских выборах. Менее чем через месяц штат присоединился к Конфедерации, опубликовав декларацию, в которой заявил, что его позиция «полностью совпадает с институтом рабства — величайшим материальным интересом мира».

Фултон Андерсон, юрист из Миссисипи, выступил с речью на съезде по отделению в Вирджинии в 1861 г. В своем выступлении он подчеркнул, что «недовольство южан по вопросу рабства» и их категорическое несогласие с целью Республиканской партии «полностью искоренить рабство» стали основными причинами отделения штата. [4] Судья из Миссисипи

Александр Гамильтон Хэнди также разделял эту точку зрения. Он резко критиковал Республиканскую партию, называя её «чёрной» и предупреждая о её намерениях:

«Первым актом черной Республиканской партии будет исключение рабства со всех территорий, из округа Колумбия, арсеналов и фортов, действием центрального правительства. Это было бы признанием того, что рабство является грехом, и ограничением института его нынешними границами. В тот момент, когда центральное правительство провозгласит рабство моральным злом, грехом, в тот момент безопасность прав юга будет полностью утрачена». [20]

Наряду с Южной Каролиной Миссисипи был одним из двух штатов в Союзе в 1860 году, где большинство населения составляли рабы. По словам демократа из Миссисипи и будущего лидера Конфедерации Джефферсона Дэвиса, Миссисипи присоединился к Конфедерации, потому что «услышал провозглашённую теорию о том, что все люди созданы свободными и равными», что воспринималось как угроза рабству, а также потому, что «Декларация независимости была использована для поддержания позиции о равенстве рас», против которой выступал Дэвис. [9]

Уильям Л. Харрис, один из уполномоченных по отделению от Миссисипи, заявил на заседании Генеральной ассамблеи Джорджии, что республиканцы хотят установить «равенство между белой и негритянской расами», и поэтому рабовладельческим штатам необходимо отделиться, чтобы противостоять их усилиям. [12, p. 29]

Фултон Андерсон, ещё один представитель Миссисипи, заявил на съезде сепаратистов в Вирджинии, что республиканцы враждебно настроены по отношению к самим рабовладельческим штатам, тем самым обвинив Республиканскую партию в «неумолимой и вечной враждебности по отношению к институту рабства». [12, p. 62]

Флорида: стала третьим штатом, вышедшим из состава Союза и вступивших в Конфедерацию. Сразу после избрания Авраама Линкольна президентом в 1860 году Флорида объявила о сецессии 10 января 1861 г.

Губернатор Флориды Мэдисон Старк Перри в своем обращении к законодательному собранию в ноябре 1860 года заявил:

«Избрание Линкольна — это прямая угроза нашему институту рабства. Если мы не примем меры, то потеряем всё, что нам дорого: нашу собственность, нашу свободу и наше будущее».

Это высказывание отражает страх элиты Флориды перед экономическими и социальными изменениями.

Делегат конвенции о сецессии Джон Пелот из округа Мэдисон заявил:

«Мы не можем позволить северным аболиционистам диктовать нам, как жить. Рабство — это не просто экономический вопрос, это вопрос нашей чести и независимости».

Его слова подчеркивают, что для многих южан рабство было не только экономической необходимостью, но и частью их культурной идентичности.

Конвенция о сецессии Флориды собралась в Таллахасси 3 января 1861 года. Делегаты, представлявшие различные округа штата, горячо обсуждали вопрос отделения. Большинство выступало за сецессию, но были и те, кто сомневался. Делегат Джеймс Бейкер из округа Джексон, выступая перед конвенцией, сказал:

«Мы должны отделиться, чтобы защитить наши права и нашу собственность. Союз больше не является нашим союзом. Он стал инструментом угнетения».

Это высказывание отражает распространенное среди южан мнение, что федеральное правительство больше не защищает их интересы. Однако не все делегаты поддерживали

сецессию. Делегат Джордж Уорд из округа Дюваль, один из семи, проголосовавших против отделения, заявил:

«Сецессия приведет нас к войне, а война принесет только разрушение. Мы должны искать компромисс, а не конфронтацию».

Его слова оказались пророческими, но в тот момент большинство делегатов не прислушалось к его предупреждениям. 10 января 1861 года Флорида официально проголосовала за сецессию. В декларации о сецессии говорилось:

«Штат Флорида настоящим выходит из Союза, к которому она была присоединена в соответствии с договором, получившим название Конституции Соединенных Штатов».

Этот документ подчеркивал, что Флорида больше не считает себя связанной обязательствами перед Союзом. После сецессии Флорида быстро присоединилась к Конфедеративным Штатам Америки. Многие жители штата верили, что Конфедерация сможет защитить их интересы и образ жизни. Президент Конфедерации Джефферсон Дэвис в своем обращении к жителям южных штатов заявил:

«Мы создаем новую нацию, основанную на принципах свободы и независимости. Флорида, как и другие штаты Конфедерации, будет защищена от тирании Севера».

Эти слова вселяли надежду, но реальность оказалась гораздо сложнее. Солдат из Флориды, Джон Смит, писал в письме домой в 1862 году:

Мы сражаемся за нашу землю и нашу свободу, но война оказалась гораздо тяжелее, чем мы ожидали. Мы голодаем, у нас нет обуви, и каждый день приносит новые потери. Это письмо отражает тяжелые условия, с которыми столкнулись солдаты и гражданское население Флориды.

Алабама: Алабама сыграла ключевую роль в событиях, предшествовавших Гражданской войне в США. В январе-марте 1861 года в Монтгомери, столице Алабамы, состоялся съезд, на котором представители штата вместе с делегатами других рабовладельческих штатов обсуждали создание южной республики и разработку новых конституций. Этот съезд стал важным шагом на пути к формированию Конфедеративных Штатов Америки, объединивших южные штаты в их стремлении защитить рабовладельческую систему и свои права. Алабама, как место проведения этого исторического съезда, стала символом начала Конфедерации и её борьбы за независимость от Союза.

После избрания Авраама Линкольна, представлявшего Республиканскую партию, выступавшую против рабства, в 1860 году, а также после объявления о выходе из Союза Южной Каролины, Миссисипи и Флориды, делегаты Алабамы 11 января 1861 года также проголосовали за отделение от Соединённых Штатов. Целью было присоединение к формирующейся рабовладельческой Южной республике, которая в основном состояла из хлопковых штатов. 11 февраля 1861 года съезд по отделению Алабамы пригласил делегатов из четырнадцати рабовладельческих штатов присоединиться к ним в Монтгомери. В результате семь хлопковых штатов Нижнего Юга образовали новую республику со столицей в Монтгомери. Бывший сенатор от Миссисипи Джефферсон Дэвис был избран президентом Конфедерации, что стало важным шагом в создании Конфедеративных Штатов Америки. [18]

В декабре 1860 года Стивен Ф. Хейл, представитель Алабамы в Кентукки, написал письмо губернатору этого штата, объясняя причины отделения Алабамы. В своём послании Хейл выразил поддержку решению Верховного суда по делу «Дред Скотт», которое подтверждало права рабовладельцев, и резко осудил Республиканскую партию за её антирабовладельческую позицию. Он утверждал, что отделение Алабамы, которое позволило бы сохранить рабство, было единственным способом предотвратить расовую войну. Хейл выразил опасения, что освобождение рабов, которых он называл «полуцивилизованными африканцами»,

приведёт к хаосу и насилию, ссылаясь на резню на Гаити в 1804 г. как на пример потенциальных последствий. Таким образом, он обосновывал отделение необходимостью защиты социального порядка и предотвращения расовых конфликтов:

«На Юге, где во многих местах преобладает африканская раса, и, как следствие, две расы постоянно будут сталкиваться, смешение или уничтожение одной из них будет неизбежным. Смогут ли южане смириться с такой деградацией и разрушением? Боже упаси... Избрание мистера Линкольна нельзя рассматривать иначе, как торжественное заявление со стороны подавляющего большинства северян о враждебности к Югу, его собственности и ее институтам - не что иное, как открытое объявление войны, - ибо триумф этой новой теории правления уничтожает собственность Юга, опустошает его поля и открывает все ужасы восстания рабов в Сан-Доминго, обрекая его граждан на убийства, а его жен и дочерей - на осквернение и надругательство, для удовлетворения похоти полуцивилизованных африканцев». [18]

На съезде по вопросу отделения штата в январе 1861 г. один из делегатов заявил, что отделение штата было мотивировано рабством:

«Вопрос о рабстве — это камень преткновения, из-за которого раскололось старое правительство: это причина отделения». [24]

В 1861 г. политик из Алабамы Роберт Харди Смит в своей речи подчеркнул, что выход Алабамы из состава Соединённых Штатов был напрямую связан с проблемой рабства. Он высоко оценил конституцию Конфедерации, отметив, что она без двусмысленностей защищает право граждан на владение рабами. Смит утверждал, что это положение было ключевым для сохранения социального и экономического порядка Юга, основанного на рабовладельческой системе, и что отделение стало необходимым шагом для защиты этих интересов от угроз, исходящих от федерального правительства и Республиканской партии:

«Мы распустили прежний Союз главным образом из-за разногласий по поводу негров. Есть ли среди нас хоть один человек, который хотел бы возродить эту вражду? И всё же разве тот, кто хотел, чтобы работорговля оставалась на усмотрение Конгресса, не понимал, что он предлагал открыть ящик Пандоры среди нас и снова разжечь эту дискуссию на нашей политической арене? Если бы мы оставили этот вопрос нерешённым, то, на мой взгляд, посеяли бы семена раздора и смерти в нашей Конституции. Я поздравляю страну с тем, что борьба окончена навсегда и что американское рабство предстанет перед миром таким, какое оно есть, со всеми своими достоинствами и недостатками. Теперь мы закрепили наш внутренний институт и безошибочно обеспечили его права в Конституции. Мы не стали скрывать его название. Мы называем наших негров «рабами» и признаём, и защищаем их как личности, а также наши права на них как на собственность». [29]

Постановление 20 о Конституции Алабамы 1861 г., утверждённое 28 января 1861 г., подчёркивало, что планируемая Конфедерация выступает против так называемой "торговли африканскими рабами" и не намерена рассматривать возможность её возобновления. Этот документ отражал стремление южных штатов защитить уже существующую систему рабства, не поддерживая при этом дальнейший ввоз рабов из Африки. Таким образом, Конфедерация стремилась дистанцироваться от международной работорговли, одновременно укрепляя свои внутренние рабовладельческие институты. [3]

Газеты в Алабаме активно поддерживали отделение, рассматривая его как необходимый шаг для сохранения института рабства. Одна из газет в Монтгомери, например, утверждала, что рабство является благодетельным "религиозным институтом", который позволял заботиться о рабах, которые, по их мнению, могли бы погибнуть или оказаться в худших условиях в других регионах. Такая риторика подчёркивала представление о рабстве как о морально оправданной системе, которая якобы обеспечивала защиту и благополучие афроамериканцев,

находящихся в рабстве. Это мнение отражало распространённую на Юге точку зрения, что отделение необходимо для сохранения их образа жизни и социального порядка.[15]

После отделения Алабама приняла новую конституцию штата, которая закрепляла рабство как неотъемлемую часть её социального и экономического порядка. В документе прямо запрещалось освобождать рабов как самим штатом, так и "любой другой страной", включая Соединённые Штаты Америки, которые Алабама считала покинутыми. Кроме того, конституция запрещала противодействие "работорговле в Африке", что подчёркивало стремление штата сохранить существующую систему рабства и защитить её от любых внешних вмешательств. Эти положения отражали твёрдую приверженность Алабамы рабовладельческой идеологии и её решимость сохранить этот институт любой ценой:

«Ни один раб в этом штате не может быть освобождён каким-либо действием, вступающим в силу в этом штате или в любой другой стране». [28]

Джорджия: стала одним из семи первоначальных рабовладельческих штатов, которые в феврале 1861 г. образовали Конфедеративные Штаты Америки, что впоследствии привело к Гражданской войне в США.

В декабре 1860 г. губернатор Джорджии Джозеф Э. Браун, ярый сторонник рабства и прав южных штатов, выступил с заявлением, в котором предупредил, что избрание Авраама Линкольна, республиканца, выступавшего против рабства, на пост президента США приведёт к отмене рабства в стране. Браун призвал жителей Джорджии противостоять любому вмешательству в вопросы, связанные с рабством, подчеркивая, что отделение от Союза является единственным способом защитить рабовладельческую систему и сохранить контроль над своим социальным и экономическим порядком:

«Каков будет результат для института рабства, если мы подчинимся инаугурации и правлению мистера Линкольна в качестве президента... это будет полная отмена рабства... Поэтому я не сомневаюсь, что подчинение правлению мистера Линкольна приведёт к окончательной отмене рабства. Если мы не будем сопротивляться сейчас, у нас никогда больше не будет сил сопротивляться». [31]

Джорджия, как один из ключевых рабовладельческих штатов, сыграла важную роль в событиях, приведших к Гражданской войне в США. После того как Южная Каролина первой приняла Постановление об отделении, в Саванне, штат Джорджия, начались массовые празднования, отражающие поддержку сепаратистских настроений. В январе 1861 г. Конвенция об отделении Джорджии приняла собственное постановление, в котором изложила причины, побудившие штат объявить о выходе из Союза. В документе цитировались взгляды избранного президента Авраама Линкольна и Республиканской партии на "вопрос рабства", антирабовладельческие настроения в северных свободных штатах, а также предполагаемая поддержка северянами равенства для афроамериканцев. Эти факторы были названы основными причинами отделения Джорджии, которая стремилась защитить свои рабовладельческие институты и социальный порядок от угроз, исходящих от федерального правительства и северных штатов:

«Народ Джорджии, разорвав политические связи с правительством Соединённых Штатов Америки, представляет... причины, которые привели к отделению. За последние десять лет у нас было множество серьёзных поводов для недовольства нашими не рабовладельческими штатами-союзниками в отношении вопроса о рабстве африканцев... Партия Линкольна, называемая Республиканской партией, в своём нынешнем названии и организации появилась недавно. Она считается партией, выступающей против рабства... борьба с рабством — её миссия и цель... Запрет рабства на территориях, враждебное отношение к нему повсеместно, равенство чёрной и белой рас ... были смело провозглашены её лидерами и одобрены её последователями... Запрет рабства на территориях является основополагающим принципом этой

организации... Это те люди, которые говорят, что Союз должен быть сохранён... Таковы мнения и действия Республиканской партии ... если мы подчинимся им, это будет нашей, а не их виной». [32]

Во время голосования по резолюции об отделении сепаратисты в Джорджии, как утверждается, подтасовали результаты, чтобы обеспечить победу, и заставили всех делегатов подписать обязательство поддержать отделение, независимо от их личной позиции. Это подчёркивало напряжённость и решимость сторонников отделения добиться своего.

В феврале 1861 г. на съезде по вопросу отделения Вирджинии от Союза житель Джорджии Генри Льюис Беннинг заявил, что главной причиной, по которой Джорджия объявила о своём выходе из Союза, было "глубокое убеждение в том, что отделение от Севера — это единственное, что может предотвратить отмену рабства". Беннинг подчеркнул, что сохранение рабства было ключевым интересом Джорджии, и отделение рассматривалось как необходимая мера для защиты этого института от растущего влияния антирабовладельческих сил на Севере.

Кроме того, в 1862 г. Банк штата Джорджия выпустил 50-центовую банкноту, которая могла быть обменена на казначейские билеты Конфедерации, что символизировало финансовую интеграцию Джорджии в новое государство, основанное на защите рабовладельческой системы.

Уильям Л. Харрис, один из уполномоченных по отделению от Миссисипи, выступая на заседании Генеральной ассамблеи Джорджии, заявил, что республиканцы стремятся установить "равенство между белой и негритянской расами". Он подчеркнул, что такая позиция представляет собой прямую угрозу для рабовладельческих штатов, и поэтому отделение является необходимым шагом для защиты их интересов и образа жизни. Харрис утверждал, что только выход из Союза позволит южным штатам сохранить свои институты, включая рабство, и противостоять усилиям республиканцев, которые, по его мнению, стремились разрушить социальный и экономический порядок Юга. [12, p. 29]

Современные религиозные лидеры Джорджии также активно поддерживали рабство, оправдывая его с точки зрения христианской религии. Один из грузинских проповедников резко осудил республиканцев и аболиционистов, заявив, что их взгляды на рабство противоречат учению Библии. Он утверждал, что позиция этих групп "диаметрально противоположна букве и духу Библии и подрывает всякую здравую мораль, как и самый худший бред неверующих". Такие заявления отражали распространённое на Юге мнение, что рабство было не только экономически необходимым, но и морально оправданным институтом, освящённым религией. Это позволяло южанам оправдывать свои действия и сопротивление отмене рабства, представляя их как защиту традиционных ценностей и божественного порядка.

Луизиана: объявила о своём выходе из состава Соединённых Штатов 26 января 1861 г., став шестым штатом, присоединившимся к Конфедерации. В марте того же года на Временном конгрессе Конфедерации присутствовали представители от Луизианы: Чарльз Мэгилл Конрад, Александр Этьен Дэклое, Дункан Фаррар Кеннер, Генри Маршалл, Джон Перкинс и Эдвард Спарроу. Их подписи (за исключением Перкинса и Спарроу) стоят под Конституцией Конфедеративных Штатов Америки, принятой 11 марта 1861 г. Это подчёркивает активное участие Луизианы в формировании нового государства, основанного на защите рабовладельческой системы и прав южных штатов.

В 1840-х гг. в Луизиане доминировала партия вигов, но к 1850-м гг. она практически прекратила своё существование. В это же время на Севере возникла Республиканская партия, которая выступала против рабства, что вызывало серьёзные опасения у южан. Они полагали, что северные аболиционисты будут стремиться уничтожить рабство, несмотря на гарантии,

закреплённые в Конституции. Республиканцы в то время были исключительно партией северных штатов и не имели поддержки на Юге.

В Луизиане значительное влияние имела нативистская партия Know Nothing, которая привлекала тех, кто был недоволен как республиканцами, так и демократами. Эта партия возникла в основном как реакция на массовую миграцию ирландцев в Луизиану в 1840-х гг. На выборах 1856 г. нативисты пытались продвинуть своего кандидата, Пола Дербиньи, на пост губернатора, но победу одержал демократ Роберт Уиклифф. [33, p. 150-153.] Это подчёркивало сложную политическую ситуацию в штате, где растущие разногласия по вопросу рабства и миграции влияли на расстановку сил.

Финансовый кризис 1857 г. практически не затронул Луизиану, что укрепило уверенность южан в преимуществах рабовладельческой системы. Однако в 1859 г. мятеж Джона Брауна в Вирджинии вызвал серьёзную тревогу на Юге. Хотя политики Севера дистанцировались от действий Брауна, многие северные газеты стали изображать его как мученика, что усилило напряжённость между регионами. С этого момента в Луизиане всерьёз задумались о возможности сецессии. [33, p. 153-155.]

В 1860 г. на губернаторских выборах в Луизиане победил Томас Овертон Мур, который поддерживал идеи отделения. В том же году на президентских выборах победу одержал республиканец Авраам Линкольн, выступавший против рабства. В Луизиане за Линкольна не было подано ни одного голоса; большинство в штате набрал Джон Брекинридж, кандидат от южных демократов, что подчеркнуло глубокие политические и идеологические разногласия между Севером и Югом. Эти события стали важными шагами на пути к отделению Луизианы от Союза.

Сразу после избрания Авраама Линкольна в декабре 1860 г. губернатор Луизианы Томас Овертон Мур созвал специальную сессию легислатуры и призвал к немедленному отделению штата от Союза. На этой сессии было принято решение созвать конвент для обсуждения вопроса о сецессии, а также выделены средства на вооружение местного ополчения. Выборы делегатов на конвент состоялись 7 января 1861 г., и около двух третей избранных делегатов были сторонниками немедленного отделения. Оставшаяся треть населения, которая изначально выступала за поиск компромисса с Севером, вскоре осознала неизбежность сецессии и присоединилась к сецессионистам ради единства штата.

Ещё до созыва конвента губернатор Мур конфисковал федеральные арсеналы в Батон-Руж и в фортах Джексон и Сен-Филип, чтобы обеспечить контроль над военными ресурсами. 26 января 1861 г. конвент большинством голосов проголосовал за отделение Луизианы от Соединённых Штатов, что сделало её шестым штатом, присоединившимся к Конфедерации. Это решение стало важным шагом в формировании Конфедеративных Штатов Америки и подчеркнуло решимость Луизианы защитить свои рабовладельческие институты.

Несмотря на отделение, Луизиана всё ещё ощущала связь с американской историей и традициями. 22 февраля 1861 г. в штате торжественно отметили День рождения Джорджа Вашингтона, подчёркивая свою приверженность идеалам американской революции, даже несмотря на разрыв с Союзом. [34, p. 4—5.]

4 марта 1861 г. в Вашингтоне состоялась инаугурация Авраама Линкольна. В начале апреля в столицу прибыла комиссия от южных штатов, в которой Луизиану представлял Андре Роман. Комиссия надеялась достичь мирного решения конфликта, но 8 апреля президент Линкольн отказался её принять. Это стало последней попыткой избежать военного столкновения.

12 апреля 1861 г. начался обстрел форта Самтер, что ознаменовало начало Гражданской войны. Это событие окончательно разделило страну на два враждующих лагеря, и Луизиана,

как часть Конфедерации, вступила в войну, чтобы защитить свои интересы и рабовладельческую систему. [34, p. 5.]

Техас: объявил о своём выходе из Союза 1 февраля 1861 г. и официально присоединился к Конфедеративным Штатам Америки 2 марта 1861 г. Это произошло после того, как губернатор Сэм Хьюстон, выступавший против отделения, был смещён со своей должности за отказ принести присягу на верность Конфедерации. Как и в случае с другими южными штатами, Декларация о выходе Техаса из состава США не была признана федеральным правительством в Вашингтоне, округ Колумбия. Это решение Техаса стало важным шагом в укреплении Конфедерации и подчеркнуло глубокие политические и идеологические разногласия между Севером и Югом.

В начале зимы 1860 г. округа Техаса направили делегатов на специальный съезд для обсуждения вопроса о целесообразности отделения. Съезд принял "Постановление об отделении" 166 голосами против 8, и этот документ был ратифицирован всенародным референдумом 23 февраля 1861 г.

Помимо Указа о выходе из состава США, который считался юридическим документом, Техас также издал декларацию, в которой изложил причины своего отделения. В документе указывались несколько оснований для выхода из Союза, включая солидарность с "братскими рабовладельческими штатами", неспособность федерального правительства предотвратить нападения индейцев, набеги с целью похищения рабов и другие акты бандитизма на границе. Северные политики и аболиционисты обвинялись в различных преступлениях против жителей Техаса.

Большая часть декларации была посвящена оправданию рабства. В ней утверждалось, что сохранение Соединённых Штатов поставит под угрозу безопасность как рабовладельцев, так и рабов. Декларация включала отрывок, восхваляющий рабство, в котором сам Союз назывался "конфедерацией". Этот документ отражал глубокую приверженность Техаса защите рабовладельческой системы и его решимость отделиться от Союза ради сохранения своих интересов:

«Мы считаем неоспоримой истиной то, что правительства различных штатов и самой Конфедерации были созданы исключительно белой расой для себя и своих потомков; что африканская раса не принимала участия в их создании; что они по праву считались низшей и зависимой расой, и только в таком положении их существование в этой стране могло быть полезным или терпимым». [27]

В то время афроамериканцы составляли около 30 процентов населения штата, и они были в подавляющем большинстве рабами. По словам одного техасца, сохранение рабства было главной целью штата при вступлении в Конфедерацию:

«Независимость без рабства была бы бесполезна... Юг без рабства не стоил бы и миски похлёбки». [8]

После избрания Авраама Линкольна в 1860 г. общественное мнение в хлопковых штатах Нижнего Юга (от Южной Каролины до Техаса) склонилось в пользу отделения. К февралю 1861 г. остальные шесть штатов этого региона уже приняли постановления о выходе из Союза. Однако в Техасе процесс затянулся, в основном из-за сопротивления губернатора Сэма Хьюстона, который оставался верным Союзу.

В отличие от лидеров других хлопковых штатов, которые активно поддерживали сепаратистские движения, Хьюстон отказался созывать законодательное собрание Техаса на внеочередную сессию для обсуждения вопроса о отделении. Он уступил только тогда, когда стало очевидно, что граждане Техаса готовы действовать без его одобрения. Это сопротивление Хьюстона подчеркнуло его личную приверженность Союзу, но в конечном итоге он был

смещён со своей должности за отказ принести присягу на верность Конфедерации. Техас официально объявил о своём выходе из Союза 1 февраля 1861 года, став последним из хлопковых штатов, присоединившихся к Конфедерации.

В начале декабря 1860 г., ещё до отделения Южной Каролины, группа государственных чиновников Техаса опубликовала в газете призыв к проведению 8 января 1861 г. выборов делегатов на съезд по всему штату. Однако эти выборы были крайне нерегулярными даже по стандартам того времени. Вместо традиционного тайного голосования выборы часто проводились путём открытого голосования на публичных собраниях, хотя метод "viva voce" (голосование вслух) уже использовался в Техасе с марта 1846 г., менее чем через три месяца после того, как штат вошёл в состав США.

Юнионисты, выступавшие против отделения, часто не приглашались на такие собрания или предпочитали не участвовать в них из-за давления и угроз. Это привело к тому, что делегаты-сепаратисты получили непропорционально большое представительство на съезде. Такие методы организации выборов подчеркнули, что процесс отделения Техаса от Союза был далёк от демократического и отражал решимость сторонников сецессии добиться своего любой ценой.

В объявлении о выборах делегатов на съезд было указано, что они должны собраться 28 января 1861 г. Губернатор Сэм Хьюстон, надеясь предотвратить отделение, созвал законодательное собрание Техаса, рассчитывая, что оно объявит несанкционированный съезд незаконным. Хотя Хьюстон выразил сомнения по поводу избрания Авраама Линкольна, он призвал Техас отказаться от отделения, предупреждая об ужасах войны и вероятном поражении Юга.

Однако съезд проигнорировал его усилия и отстранил Хьюстона от должности губернатора, назначив вместо него вице-губернатора Эдварда Кларка. Несмотря на сопротивление Хьюстона, законодательное собрание Техаса проголосовало за выделение средств на расходы делегатов и снабжение, а также — вопреки его вето — взяло на себя обязательство поддерживать законность действий Конвента. Единственным условием было то, что окончательное решение о отделении должно быть вынесено на всенародный референдум, чтобы народ Техаса мог иметь последнее слово.

После того как сопротивление губернатора Сэма Хьюстона было подавлено, 28 января 1861 г. собрался Конвент по отделению Техаса от Союза. В качестве первого пункта повестки дня конвент проголосовал 140 голосами против 28 за то, чтобы постановление об отделении, в случае его принятия, было вынесено на всенародное голосование. На следующий день председатель конвента Оран Майло Робертс представил резолюцию, предлагающую выход Техаса из Союза.

1 февраля 1861 г. постановление было зачитано в зале заседаний. В нём утверждалось, что федеральное правительство неспособно защитить жизнь и имущество граждан Техаса, а северные штаты используют это как оружие для «нанесения ущерба интересам и процветанию» южан. После перечисления претензий к федеральному правительству, постановление от 4 июля 1845 г., которым Техас одобрил присоединение к Соединённым Штатам и принятие Конституции США, было отменено. Техас официально отказался от всех полномочий, обязательств и верности федеральному правительству и Конституции США, объявив о своём выходе из Союза. Это решение было ратифицировано на референдуме 23 февраля 1861 г., что сделало Техас седьмым штатом, присоединившимся к Конфедерации.

В интересах исторической значимости и потомков постановление было составлено так, чтобы вступить в силу 2 марта, в день Декларации независимости Техаса (и, по совпадению, в день рождения Хьюстона).

1 февраля члены законодательного собрания и огромная толпа частных лиц заполнили галереи и балкон Дома, чтобы посмотреть на финальное голосование по вопросу о выходе из состава США. Прежде чем прозвучал хотя бы один голос «против», было зафиксировано 70 голосов «за». Один из отрицательных голосов увековечен в учебниках истории Техаса. Джеймс Уэбб Трокмортон из округа Коллин в Северном Техасе в ответ на свист, улюлюканье и оскорбления, которыми его решение было встречено, возразил: «Когда сброд свистит, патриоты могут дрожать от страха». Оценив его стиль, толпа скупо похлопала ему (как и многие техасцы, которые изначально выступали против отделения, Трокмортон принял результат и служил своему штату, дослужившись до звания бригадного генерала в армии Конфедерации).

Окончательный подсчёт голосов на Конвенте по отделению Техаса составил 166 голосов за и 7 против. 7 февраля 1861 г. законодательное собрание Техаса подтвердило законность этого голосования. За исключением Южной Каролины, где голосование было единогласным, это был самый высокий процент поддержки отделения среди всех штатов Нижнего Юга. В тот же день законодательное собрание распорядилось провести всенародный референдум по вопросу отделения под руководством съезда.

23 февраля 1861 г. избиратели Техаса одобрили отделение от Союза, проголосовав 46 129 голосами за и 14 697 против. Это решение окончательно закрепило выход Техаса из состава Соединённых Штатов.

Последним пунктом повестки дня Конвента было назначение делегации для представления Техаса в Монтгомери, штат Алабама, где делегаты из шести других отделившихся штатов собирались для создания Конфедерации. 4 марта съезд снова собрался, чтобы официально объявить о выходе Техаса из Союза и утвердить "Конституцию Конфедеративных Штатов Америки", разработанную Временным конгрессом. Интересно, что Техас уже был принят в состав Конфедерации 1 марта, ещё до официального утверждения конституции. Это подчеркнуло активную роль Техаса в формировании нового государства и его решимость защитить свои интересы, включая рабовладельческую систему.

В марте Джордж Уильямсон, комиссар штата Луизиана, выступил на съезде техасских сепаратистов, где призвал Техас и рабовладельческие штаты США объявить о выходе из Союза, чтобы сохранить институт рабства:

«Луизиана надеется на создание Южной конфедерации, чтобы сохранить преимущества африканского рабства ... Благодаря колесу социального баланса, регулирующему рабство, мы можем с радостью надеяться, что наше южное правительство будет вечным». [37]

Губернатор Сэм Хьюстон, несмотря на своё согласие с отделением Техаса от Союза, заявил, что съезд не имеет полномочий связывать штат с новой Конфедерацией. Вместо этого он призвал Техас вернуться к статусу независимой республики, как это было до присоединения к США в 1845 г., и сохранять нейтралитет в надвигающемся конфликте.

16 марта 1861 г., когда официальные лица Техаса должны были принести присягу на верность Конфедерации, Хьюстон занял своё место, но отказался произносить клятву. Когда его имя трижды выкрикнули, он сохранял молчание. В результате должность губернатора была объявлена вакантной, и Хьюстон был отстранён от власти. Его отказ поддержать Конфедерацию подчеркнул его личную приверженность Союзу и нейтралитету, но в условиях растущего сепаратистского движения в Техасе его позиция оказалась непопулярной. Хьюстон ушёл в отставку, оставив после себя наследие как один из немногих лидеров Юга, открыто выступавших против отделения.

Вирджиния: будучи одним из ключевых рабовладельческих штатов, сыграла важную роль в Конфедерации после своего присоединения во время Гражданской войны в США. Изначально, на съезде штата, состоявшемся 4 апреля 1861 г., Вирджиния проголосовала против

отделения от Союза. Однако ситуация резко изменилась после битвы при форте Самтер 12 апреля и призыва президента Авраама Линкольна 15 апреля к войскам из всех штатов для подавления восстания. Это привело к тому, что Вирджиния присоединилась к Конфедерации 17 апреля 1861 г., хотя официальное ратификация отделения состоялась только 23 мая.

В ответ на отделение Вирджинии, в Уилинге было создано правительство юнионистов, которое поддерживало Союз. Это привело к образованию нового штата — Западной Вирджинии, который был создан актом Конгресса из 50 округов западной части Вирджинии. Западная Вирджиния стала единственным штатом, потерявшим территорию в результате войны.

Юнионизм был силён не только на западе, но и в других частях Вирджинии. Во время войны было создано Восстановленное правительство Вирджинии, которое выступало альтернативой правительству Конфедерации. Таким образом, Вирджиния стала одним из штатов, где во время Гражданской войны одновременно существовали два правительства, что подчеркнуло глубокий раскол в обществе и политике штата.

В мае 1861 г. было принято решение перенести столицу Конфедерации из Монтгомери, Алабама, в Ричмонд, Вирджиния. Это решение было обусловлено стратегической важностью Вирджинии для обороны Конфедерации, независимо от политического статуса её столицы. Ричмонд стал не только политическим, но и военным центром Конфедерации.

24 мая 1861 г. армия США вторглась в северную Вирджинию и захватила Александрию без боя, что стало началом активных военных действий на территории штата. Большинство сражений на Восточном театре Гражданской войны происходило именно в Вирджинии, поскольку Конфедерации было необходимо защищать свою столицу, а на Севере общественное мнение требовало от армии Союза наступления на Ричмонд. Лозунг "На Ричмонд!" стал символом стремления Севера к победе.

Успехи генерала Роберта Э. Ли в защите Ричмонда стали центральной темой военной истории Гражданской войны. Его стратегическое мастерство и решимость позволили Конфедерации долгое время удерживать столицу, несмотря на превосходство сил Союза.

Белый дом Конфедерации, расположенный в нескольких кварталах к северу от Капитолия штата, стал резиденцией президента Конфедерации Джефферсона Дэвиса, бывшего сенатора от Миссисипи. Это здание стало символом руководства Конфедерации и её борьбы за независимость.

15 ноября 1860 г. губернатор Вирджинии Джон Летчер созвал специальную сессию Генеральной ассамблеи, чтобы рассмотреть, помимо прочих вопросов, создание съезда по отделению. Законодательное собрание собралось 7 января и одобрило съезд 14 января. 19 января Генеральная ассамблея созвала национальную мирную конференцию под руководством уроженца Вирджинии и бывшего президента США Джона Тайлера, которая должна была состояться в Вашингтоне, округ Колумбия, 4 февраля, в тот же день, когда были назначены выборы делегатов на съезд по вопросу отделения.

В выборах делегатов съезда приняли участие 145 700 избирателей, которые по округам выбрали 152 представителя. Тридцать из этих делегатов были сепаратистами, тридцать — сторонниками союза, а девяносто два — умеренными, которые не принадлежали ни к одной из первых двух групп. Тем не менее, сторонников немедленного отделения было явно меньше. Одновременно с выборами 4 февраля делегаты из первых шести отделившихся штатов (Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия и Луизиана) встретились в Монтгомери и через четыре дня основали Конфедеративные Штаты Америки.

Конвенция о выходе из состава США штата Вирджиния в 1861 году состоялась 13 февраля в Ричмондском механическом институте, расположенном на пересечении Девятой и Главной улиц в Ричмонде. Одним из первых действий конвенции было создание Комитета по

федеральным отношениям из 21 члена, которому было поручено найти компромисс в вопросе о региональных различиях, затрагивающих Вирджинию. Комитет состоял из 4 сепаратистов, 10 умеренных и 7 сторонников Союза. Поначалу в обсуждениях на съезде не было срочности, поскольку все стороны считали, что время только на их стороне. Кроме того, были надежды, что мирная конференция 19 января под руководством бывшего президента Джона Тайлера сможет разрешить кризис, гарантировав сохранение рабства и право на его распространение на новые юго-западные территории. После провала мирной конференции в конце февраля умеренные на съезде начали сомневаться в своей поддержке юнионизма.

На съезде в Ричмонде в феврале 1861 г. уроженец Джорджии Генри Льюис Беннинг, который впоследствии стал офицером армии Конфедерации, выступил с речью, в которой изложил свои доводы в пользу отделения от Союза, апеллируя к этническим предрассудкам и прорабовладельческим настроениям. Он заявил, что если рабовладельческие штаты останутся в Союзе, то их рабов в конечном итоге освободит республиканская партия, выступающая против рабства. Он заявил, что лучше умрёт от болезни и голода, чем увидит, как освобождают чёрных рабов и дают им равные права граждан:

«Что побудило Джорджию пойти на такой шаг, как отделение от Союза? Эту причину можно выразить одним предложением. Джорджия была убеждена, глубоко убеждена, что отделение от Севера — это единственное, что может предотвратить отмену рабства в её штате. Если всё останется как есть, то рабство, несомненно, будет отменено. К тому времени, когда север достигнет власти, чернокожая раса будет в подавляющем большинстве, и тогда у нас будут чернокожие губернаторы, чернокожие законодатели, чернокожие присяжные, всё будет чернокожим. Можно ли предположить, что белая раса смирится с этим? Это невозможно война вспыхнет повсюду, как скрытый огонь под землёй, и вполне вероятно, что белая раса, будучи превосходящей во всех отношениях, сможет оттеснить другую. мы будем побеждены, и наши мужчины будут вынуждены скитаться по всей земле, как бродяги; а что касается наших женщин, то мы не можем даже представить себе ужасы их положения. Такова судьба, которую отмена рабства уготовила белой расе. Мы будем полностью истреблены, а земля останется во владении чернокожих, а затем превратится в пустыню и станет ещё одной Африкой Предположим, они изберут Чарльза Самнера президентом? Предположим, они изберут Фреда Дугласа, вашего беглого раба, президентом? Какова была бы ваша позиция в таком случае? Я говорю, что лучше чума и голод».

Поддержка юнионистов среди многих жителей Вирджинии ещё больше ослабла после первой инаугурационной речи Линкольна, которая, по их мнению, была «спорной, если не вызывающей». По всему штату были признаки того, что поддержка отделения росла. 9 марта Комитет по федеральным отношениям представил свой доклад съезду. Четырнадцать предложений защищали как рабство, так и права штатов, призывая к встрече восьми рабовладельческих штатов, всё ещё входивших в Союз, чтобы выступить единым фронтом за компромисс. С 15 марта по 14 апреля съезд обсуждал эти предложения одно за другим. Во время дебатов 4 апреля на обсуждение была вынесена шестая резолюция, призывающая к мирному решению проблемы и сохранению Союза. Льюис Эдвин Харви из округа Амелия предложил альтернативную резолюцию, призывающую к немедленному выходу из Союза. Предложение было отклонено 88 голосами против 45, и на следующий день съезд продолжил обсуждение. Последнее предложение было одобрено 12 апреля. Целью фракции юнионистов после этого одобрения было отложить съезд до октября, чтобы дать время как съезду рабовладельческих штатов, так и выборам в Конгресс в Вирджинии в мае, которые, как они надеялись, обеспечат более сильный мандат для компромисса.

Один из делегатов повторил причину отделения штата и цель съезда:

«Сэр, главный вопрос, который сейчас подрывает устои этого правительства, — главный вопрос, который лежит в основе всех наших обсуждений, — это вопрос об африканском рабстве».

Представитель штата Миссисипи Фултон Андерсон заявил на съезде, что республиканцы враждебно настроены по отношению к рабовладельческим штатам, обвинив Республиканскую партию в «неумолимой и вечной враждебности к институту рабства». В конечном итоге съезд постановил, что рабство должно сохраняться и распространяться на территории США:

«Предложения, принятые Конвентом Вирджинии в 1861 г. Первая резолюция утверждала права штатов сам по себе; второй был за сохранение рабства; третий выступал против секционных партий; четвертый призывал к равному признанию рабства как на территориях, так и в штатах, не являющихся рабовладельческими; пятый требовал вывода федеральных фортов и войск из отделившихся штатов; шестой надеялся на мирное урегулирование претензий и сохранение Союза; седьмой призывал к внесению поправок в Конституцию для урегулирования споров между федерацией и штатами; восьмой признал право на отделение; девятый сказал, что федеральное правительство не имеет власти над отделившимися штатами, поскольку оно отказалось признать их выход; десятый сказал, что федеральное правительство уполномочено признать Конфедеративные штаты; одиннадцатым было обращение к братским штатам Вирджинии; двенадцатый заявлял о готовности Вирджинии подождать разумный период времени для ответа на свои предложения при условии, что никто не прибегнет к силе против отделившихся штатов; тринадцатый просил правительства Соединенных Штатов и Конфедеративных штатов сохранять мир; а четырнадцатый просил пограничные рабовладельческие штаты собраться на конференцию, чтобы рассмотреть резолюции Вирджинии и присоединиться к призыву Вирджинии к Северу».

Арканзас: изначально проголосовавший за сохранение в составе Союза, в конечном итоге стал штатом Конфедерации после начала Гражданской войны в США. После захвата форта Самтер в апреле 1861 г. президент Авраам Линкольн призвал войска из всех штатов Союза для подавления восстания, что подтолкнуло Арканзас к отделению. На протяжении войны Арканзас играл важную стратегическую роль, особенно в контроле над рекой Миссисипи, ключевым водным путём.

До войны Арканзас был преимущественно сельской местностью с низкой плотностью населения. Рабство существовало в регионе со времён французских и испанских колонизаторов, но его масштабы были ограничены до получения статуса штата. Плантационное сельское хозяйство, основанное на выращивании хлопка, развивалось в районах с доступом к водным путям, таким как реки Миссисипи, Арканзас, Уайт, Салин и Уачита. В этих районах проживало наибольшее количество рабов. В то же время в гористых северо-западных и северо-центральных частях штата рабство существовало в гораздо меньших масштабах. В 1850-х годах Арканзас переживал быстрый экономический рост.

Новости о рейде Джона Брауна в Вирджинии в 1859 году вызвали новый всплеск интереса к системе ополчения штата, которая практически бездействовала с момента окончания войны с Мексикой. В Арканзасе, как и в большинстве штатов, существовала организованная система ополчения, требующая военной службы для большинства мужчин определённого возраста. К августу 1860 г. ополчение штата состояло из 62 полков, разделённых на восемь бригад. Кроме того, в округах и городах формировались добровольческие отряды, которые были лучше экипированы и тренировались чаще, чем обычное ополчение. Эти отряды сыграли важную роль в захвате федеральных объектов в Литл-Роке и Форт-Смите в феврале 1861 г., ещё до отделения Арканзаса.

Во время президентских выборов 1860 г. Авраам Линкольн даже не был включён в бюллетени для голосования в Арканзасе. Штат проголосовал за кандидата от Южной демократической партии Джона К. Брекинриджа из Кентукки.

Победа Линкольна на выборах привела к тому, что Южная Каролина объявила о выходе из Союза. К февралю 1861 г. ещё шесть южных штатов последовали её примеру. 7 февраля семь штатов приняли временную конституцию и учредили свою временную столицу в Монтгомери, штат Алабама. В феврале 1861 года в Вашингтоне состоялась мирная конференция, которая, однако, не смогла урегулировать кризис.

По мере роста движения за отделение жители Арканзаса стали всё больше беспокоиться. В январе 1861 г. Генеральная ассамблея назначила выборы, чтобы определить, следует ли проводить съезд для рассмотрения вопроса о отделении. Одновременно избиратели должны были выбрать делегатов на съезд на случай, если голосование пройдёт успешно. Незадолго до голосования 8 февраля 1861 года ополчение Арканзаса потребовало сдать Федеральный арсенал в Литл-Роке, что стало преждевременным и неподобающим шагом. 18 февраля 1861 г. жители Арканзаса проголосовали за созыв съезда по вопросу отделения, но избрали в основном делегатов-юнионистов.[5]

На мартовском собрании 1861 г. преобладали профсоюзные настроения, и было принято решение о перерыве до проведения внеочередных выборов в августе, на которых народ должен был проголосовать по вопросу об отделении. [14] Однако ситуация изменилась после того, как президент Линкольн призвал 75 000 военнослужащих для подавления восстания в форте Самтер. Губернатор Арканзаса Генри Мэсси Ректор, почувствовав, что переход к открытой войне склонит общественное мнение в пользу сепаратистов, быстро организовал батальон ополчения для захвата федерального арсенала в Форт-Смите 23 апреля 1861 г.

Столкнувшись с требованием Линкольна предоставить войска, съезд вновь собрался в Литл-Роке и 6 мая 1861 г. принял постановление об отделении 69 голосами против 1. [38] Это решение окончательно закрепило выход Арканзаса из состава Союза и его присоединение к Конфедерации.

Северная Каролина: хотя и присоединилась к Конфедерации во время Гражданской войны в США, сделала это с некоторой неохотой. В феврале 1861 г. на всенародном голосовании по вопросу отделения победу одержали юнионисты, но их перевес был незначительным. Однако ситуация изменилась после прокламации президента Авраама Линкольна от 15 апреля 1861 г., в которой он потребовал от всех штатов Союза предоставить 75 000 солдат для подавления восстания. Это требование стало ключевым фактором, подтолкнувшим Северную Каролину к отделению.

Как и Арканзас, Теннесси и Вирджиния, Северная Каролина изначально стремилась остаться в стороне от возможной войны. Однако после прокламации Линкольна штат был вынужден выбрать сторону. На протяжении всей войны Северная Каролина оставалась расколотым штатом. В то время как население в Аппалачских горах на западе штата придерживалось юнионистских взглядов [19], значительная часть населения поддерживала Конфедерацию. Северная Каролина предоставила Конфедерации большое количество войск [25] и играла важную роль в снабжении через крупный порт Уилмингтон, несмотря на блокаду Союза.

Боевые действия в Северной Каролине начались в сентябре 1861 года, когда генерал-майор Союза Эмброуз Бернсайд начал захват ключевых портов и городов, включая остров Роанок и Нью-Берн. В 1864 г. конфедераты временно отвоевали Плимут, а армия Союза предприняла несколько попыток захватить форт Фишер. [25] Последняя крупная армия Конфедерации под командованием генерала Джозефа Э. Джонстона сдалась в Беннетт-Плейс, недалеко от Дарема, Уильяму Текумсе Шерману в апреле 1865 г. [25] Северокаролинские войска

участвовали в десятках сражений в других штатах, включая знаменитую атаку Пикетта при Геттисберге, где отличился полк «Тар Хилс».

Северная Каролина также формировала полки для армии Союза. Например, 3-й кавалерийский полк Северной Каролины участвовал в битве при Буллс-Гэп, битве при Ред-Бэнкс и рейдах Стоунмана в 1864 и 1865 гг. в западной части Северной Каролины, юго-западной Вирджинии и восточном Теннесси. [25] Департамент Северной Каролины, созданный в 1862 году, захватил Уилмингтон в 1865 г., [25] который тогда был крупнейшим городом штата. XVIII корпус армии Союза, базировавшийся в Северной Каролине, также был одним из крупнейших.

В 1860 году население Северной Каролины составляло 992 622 человека, что делало её 12-м по численности населения штатом страны. Боеспособное население насчитывало 115 369 человек (11 % от общего числа). [25]

Северная Каролина была неоднородным штатом: в прибрежных районах преобладало плантационное хозяйство и рабовладение, в то время как западные районы почти не имели плантаций и рабов. Это отразилось на президентских выборах 1860 г: Северная Каролина проголосовала за демократа Джона Брекинриджа, в то время как Верхний Юг поддерживал конституционалиста Джона Белла. Однако, в отличие от других штатов, поддержавших Брекинриджа, Северная Каролина не спешила с отделением. Решение о сецессии было принято только после падения форта Самтер и отделения Вирджинии, неформального лидера Юга. 20 мая 1861 г. Северная Каролина объявила о своём выходе из Союза, став последним штатом, присоединившимся к Конфедерации.

Северная Каролина имела собственное текстильное производство и порты, которые использовались для прорыва блокады. Благодаря этому северокаролинские полки были лучше экипированы, чем многие другие части армии Конфедерации. Однако их основным оружием долгое время оставался гладкоствольный мушкет «Спрингфилд» образца 1842 г.

Теннесси: хотя и рассматривал возможность отделения ещё до создания Конфедерации, официально вышел из Союза лишь после падения форта Самтер, когда общественное мнение в штате резко изменилось. Решение о сецессии стало ответом на обращение президента Авраама Линкольна от 15 апреля 1861 г., в котором он потребовал от штатов предоставить 75 000 ополченцев для подавления мятежа. Теннесси стал вторым по величине поставщиком войск для Конфедерации, а также направил больше солдат-юнионистов в армию Союза, чем любой другой штат Юга.

Изначально большинство жителей Теннесси не проявляли особого интереса к отделению от Союза, с которым они долгое время разделяли общую борьбу. В 1860 г. они с небольшим перевесом поддержали Джона Белла, кандидата от Партии конституционного союза, умеренного политика, стремившегося найти выход из нарастающего кризиса.

Однако небольшая, но активная группа жителей Теннесси выражала резкое недовольство северными штатами и политикой президента Линкольна. Газета Daily Gazette из Нэшвилла 5 января 1861 г. писала: «Жители Юга готовятся к своему следующему важнейшему долгу — сопротивлению принуждению или вторжению». Издание подчеркивало, что Флорида, Джорджия и Алабама реализуют своё право на самооборону, взяв под контроль все форты и военные объекты в регионе. В «Мемфисском обращении» было выдвинуто сепаратистское предложение построить форт в Рэндольфе, штат Теннесси, на реке Миссисипи.

Губернатор Ишем Г. Харрис созвал экстренное заседание Генеральной ассамблеи штата Теннесси в январе 1861 г. В своей речи перед законодательным органом 7 января он назвал отделение южных штатов кризисом, вызванным «продолжительной агитацией по вопросу рабства» и «фактическими и потенциальными агрессиями северных штатов... на чётко сформулированные конституционные права граждан Юга». Он также выразил

обеспокоенность ростом «чисто сектантской» Республиканской партии, которую, по его словам, объединяла «бескомпромиссная враждебность к правам и институтам пятнадцати южных штатов». Он указал на многочисленные недостатки Республиканской партии, обвинив её в том, что она побуждала рабов к побегу с помощью Подпольной железной дороги, набегов Джона Брауна и высоких налогов на рабский труд.

Харрис поддержал принцип народного суверенитета, утверждая, что только жители штата имеют право решать, допустимо ли рабство на их территории. Кроме того, он полагал, что законодательные акты Конгресса, запрещающие рабство на новых территориях, лишили южан возможности осваивать эти земли, превратив их в исключительно северные владения. По его мнению, это исключало «южан, неспособных жить под управлением правительства, которое может признавать свободных афроамериканцев равными». Губернатор предложил организовать съезд штата для обсуждения дальнейших шагов. Однако в Палате представителей Теннесси Уильям Х. Уайзнер выступил против этой инициативы, представив ряд резолюций. Он заявил, что реорганизация и вооружение местного ополчения не являются необходимыми, выразив сомнения в целесообразности таких мер.

Во время Гражданской войны люди не сомневались в том, что вопрос о рабстве был центральным в движении за отделение, и современная пресса не игнорировала его. Особенно в случае с прорабовладельческими газетами вопрос о возможности предоставления равных прав цветным людям не формулировался в дипломатических выражениях:

«Не забывайте, что выборы состоятся 9-го числа, а делегаты соберутся на съезде 25-го. Если вы хотите подождать, пока вас не свяжут по рукам и ногам, то голосуйте за тех, кто выступает за политику «наблюдай и жди». Если вы считаете, что у вас есть права и что вы выше чернокожих, то голосуйте за тех, кто не продаст вас, ни душой, ни телом, республиканцам-янки — за тех, кто скорее увидит Теннесси независимым от Союза, чем подчинённым Союзу». [34]

3 февраля 1861 г проюнионистская газета «Ноксвилл Виг» опубликовала так называемый «Секретный циркуляр», который по ошибке был отправлен проюнионистскому почтмейстеру Теннесси. В документе раскрывался детальный план сторонников рабства из Теннесси и других штатов, направленный на проведение масштабной пропагандистской кампании. Целью было убедить жителей Теннесси в том, что движение за отделение от Союза набирает силу.

В обращении говорилось:

«Уважаемый сэр, мы искренне желаем успеха Великому движению за права Юга, чтобы обеспечить немедленное избавление от непреодолимых опасностей, угрожающих нашей политической и социальной безопасности. Мы надеемся, что это послужит достаточным оправданием за те меры, которые мы вынуждены предпринять. Чувства южан в подавляющем большинстве поддерживают это движение. Нужен лишь свет, чтобы многие люди ясно увидели свой путь, и молитва каждого истинного патриота в конечном итоге будет услышана. Теннесси станет единым целым. Несмотря на то, что времени осталось очень мало, эта цель всё же может быть достигнута, если несколько человек (чем больше, тем лучше) в каждом округе посвятят этому все свои силы во время выборов делегатов. Поэтому мы искренне просим вас обратить внимание на следующие предложения:

Позаботьтесь о том, чтобы ваши лучшие люди были на местах, независимо от их прошлых политических взглядов.

Убедитесь, что ни один сторонник подчинения, под каким бы предлогом он ни ставил под угрозу наши права или не ждал до 4 марта новых гарантий, не навяжет вам своё мнение.

Наша единственная надежда на мир и безопасность заключается в решительных действиях до инаугурации мистера Линкольна.

Не ждите общих собраний граждан, а немедленно соберите вместе несколько активных, умных, сдержанных, но решительных, бескомпромиссных и искренних сторонников, выступающих за "права Юга и против принуждения". Назначьте комитеты и агитаторов, которые готовы полностью и неустанно посвятить себя этой важной и опасной работе с этого момента и до конца выборов.

Назначьте также комитеты в каждом гражданском округе из людей, которые разделяют ваши и наши взгляды.

Немедленно организуйте общества по защите прав южных штатов от принуждения.

Во время предвыборной кампании мы будем рассылать издания «Юнион энд Американ» и «Газетт» в ваш округ. Мы уверены, что вы немедленно передадите их в окружные комитеты, которые сразу же приступят к работе по распространению, даже если в каждом округе будет всего по полдюжины экземпляров. Мы просим вас не ждать, пока люди сами запросят эти материалы.

Напишите как можно больше писем своим друзьям и, руководствуясь соображениями патриотизма, призывайте их работать, работать, работать.»

Мы можем, мы должны нести бремя нашего штата. Наши сердца разрываются при одной мысли о том, что мы должны бросить наших братьев с Юга, которых мы так любим и которым сочувствуем, и быть прикованными к колеснице Чёрных республиканских штатов, которые сами будут презирать нас за нашу покорность; и, что ещё хуже, только моральное давление, если не закон, разрушит всю нашу социальную структуру и всякую реальную независимость мысли и действий. Ваше собственное здравое суждение подскажет вам многое из того, о чем мы сейчас не можем говорить. [26]

В Мемфисе юнионисты провели две факельные шествия в поддержку своего дела. Сецессионисты ответили собственными демонстрациями и праздничным балом. На той неделе, 9 февраля, в штате Теннесси должно было пройти голосование о том, отправлять ли делегатов на съезд штата, на котором должен был быть принят решение о выходе из состава США. Генеральная ассамблея, созванная губернатором Ишемом Харрисом, не считала, что у неё есть полномочия созывать съезд штата без голосования народа.

В феврале 1861 г. 54% избирателей штата проголосовали против отправки делегатов на съезд по вопросу отделения, отклонив предложение о проведении съезда штата 69 675 голосами против 57 798. Если бы съезд штата состоялся, он был бы в подавляющем большинстве про-союзным. За кандидатов-юнионистов было отдано 88 803 голоса, а за кандидатов-сецессионистов — 22 749. В тот день американский флаг был вывешен «в каждом квартале города» с таким же рвением, как во время президентской кампании 1868 г., писала Daily Gazette из Нэшвилла. Сторонники славянократии были смущены, деморализованы и политически дезориентированы, но не желали признавать поражение: "Каким бы ни был результат трудностей, которые в настоящее время волнуют нашу страну - должны ли мы объединиться в нашей общей судьбе или две Республики займут место той, которая простояла почти столетие, вызывая восхищение всех наций, мы по-прежнему будем с почтением склоняться перед звездно-полосатым флагом и признавать его как знамя, вокруг которого могут сплотиться сыны свободы. И если протесты жителей Юга - годами умоляющая о возмещении ущерба - если бы в этот критический момент ее братья на Севере не пробудили в ней чувство справедливости, а честь требует разделения, у нас все равно были бы те же претензии к "цвету Вашингтона, великого сына Юга, и Вирджинии, матери Штатов". Давайте не будем отказываться от звездно-полосатого флага, под которым южане так часто шли к победе". [23] "На углу напротив редакции

газеты собралась толпа вокруг игрока на волынке, игравшего «Янки Дудл», после чего бывший мэр Джон Хью Смит произнес речь, которая была встречена громкими аплодисментами. [21]

В письме сенатору-демократу Эндрю Джонсону издатель газеты «Кларксвилл» (штат Теннесси) «Джефферсониан» К. О. Фэксон предположил, что разница в голосах в пользу «отказа от съезда» была бы ещё больше, если бы сторонники Союза не боялись, что, если бы съезд штата не был созван, Ишем Харрис снова созвал бы его, когда больше законодателей штата «заразились бы эпидемией отделения» «Губернатор Харрис в тупике». Союзное большинство почти не поддаётся подсчёту. Насколько известно, сепаратисты победили в одном округе. Союзная и американская осуждается и проклинается народом штата. [16]

7 марта газета «Мемфис дейли эппил» написала, что аболиционисты пытаются лишить Юг территорий, завоёванных во время Американо-мексиканской войны. В ней указывалось, что рабовладельческие штаты предоставили в два раза больше добровольцев, чем свободные штаты и территории, хотя и не отмечалось, что рабовладельческие штаты больше всего поддерживали войну.

19 марта редакция газеты «Кларксвилл Кроникл» поддержала кандидата от Союза на выборах в Сенат штата в округах Робертсон, Монтгомери и Стюарт.

2 апреля газета «Мемфис Дейли Эппил» опубликовала сатирический некролог дядюшке Сэму, в котором говорилось, что он умер от «непреодолимой болезни конфликта» после встречи с Авраамом Линкольном. Одна владелица рабов из округа Робертсон пожаловалась, что не может сдавать своих рабов в аренду «за половину они стоили», потому что «негры думают, что, когда Линкольн отдаст концы, они все станут свободными».

Библиографический список

1. A Declaration of the Causes which Impel the State of Texas to Secede from the Federal Union // Avalon Project. — Yale Law School, 2008.
2. Address of the people of South Carolina to the people of the Slaveholding States of the United States. — 1860.
3. Alabama Constitution 1861 Ordinances. — 1861.
4. Anderson, Fulton. Speech of Fulton Anderson to the Virginia Convention. — 1861.
5. Arkansas Civil War Chronicles — 1861.
6. Cauthen, Charles Edward; Power, J. Tracy. South Carolina goes to war, 1860–1865. — Columbia, SC: University of South Carolina Press, 2005.
7. Channing, Steven A. Crisis of fear: secession in South Carolina. — New York, 1970. — P. 141–142.
8. Cutwell, Caleb. Letter to the Galveston Tri-Weekly. — Texas, 1865.
9. Davis, Jefferson. Jefferson Davis's Last Speech Before the U.S. Senate On Withdrawal from the Union. — Washington, 1861.
10. Davis, William C. Look Away! History of the Confederate States of America. — New York: The Free Press, 2002. — P. 25.
11. Declaration of the immediate causes which induce and justify the secession of South Carolina from the federal union; and, The ordinance of secession. — 1860.
12. Dew, Charles B. Apostles of Disunion. — Charlottesville: University Press of Virginia, 2001.
13. Display of Flags // Nashville Daily Gazette. — February 9, 1861.
14. Dougan, Michael B. Confederate Arkansas. — P. 35–36.
15. Edgar, Walter. South Carolina: A History. — Columbia, SC: University of South Carolina Press, 1998. — 619 p.
16. Faxon, C. O. The Papers of Andrew Johnson, Vol. 4, p. 274: The great news from Tennessee... // Tennessee Civil War Sourcebook. — February 11, 1861.
17. Fortier, Alcée. A history of Louisiana. Vol. IV. — New York: Goupil & Co, 1904.

18. Hale, Stephen F. Letter of S. F. Hale, Commissioner of Alabama to the State of Kentucky, to Gov. Magoffin of Kentucky. — December 1860. — Archived from the original.
19. Inscoe, John C.; McKinney, Gordon B. The Heart of Confederate Appalachia: Western North Carolina in the Civil War. — Univ of North Carolina Press, 2003. — P. 9.
20. Jaffa, Harry V. A New Birth of Freedom: Abraham Lincoln and the Coming of the Civil War. — Rowman & Littlefield Publishers, 2000. — 231 p.
21. Jovial // Nashville Daily Gazette. — February 10, 1861.
22. Laurence Massillon Keitt. Speech to the House January 1860.
23. Lee, Jr., Charles Robert. The Confederate Constitutions. — Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1963. — 60 p.
24. Mississippi Free Trader. — Mississippi, August 28, 1857.
25. North Carolina in the Civil War. — September 17, 2018.
26. Read the Treasonous Circular! // Knoxville Whig. — February 3, 1861.
27. Rhea, Gordon. Why Non-Slaveholding Southerners Fought // Address to the Charleston Library Society. — Civil War Trust, January 2011.
28. Secession debated: Georgia's showdown in 1860. — New York: Oxford University Press, 1992. — P. 145–159.
29. Smith, Robert Hardy. An Address to the Citizens of Alabama on the Constitution and Laws of the Confederate States of America. — Mobile, 1861. — P. 19.
30. Spratt, L. W. The Philosophy of Secession: A Southern View // South Carolina. — February 13, 1861.
31. State of Alabama. Article IV, Section 1, Constitution of the State of Alabama. — Alabama: State of Alabama, 1861.
32. State of Georgia. Georgia Declaration of Causes of Secession // Journal of the public and secret proceedings of the Convention of the people of Georgia. — Georgia: State of Georgia, January 29, 1861.
33. The Charleston Courier. — Charleston, South Carolina. — December 22, 1860.
34. The Tennessee Convention // Nashville Daily Gazette. — February 2, 1861.
35. Wall, Bennett H.; Rodrigue, John C. Louisiana, A History. — New York: John Wiley & Sons, Inc., 2014.
36. Wightman, John T. The Glory of God, the Defence of the South. — Yorkville, South Carolina, 1861.
37. Winkler, E. W., ed. Journal of the Secession Convention of Texas 1861. — Texas: Austin Print Co, 1912. — P. 122–123.
38. Wooster, Ralph. The Arkansas Secession Convention // Arkansas Historical Quarterly. — 1954. — Vol. 13. — P. 172–195.

Сведения об авторе:

Поддубный Егор Николаевич, магистр факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета, e-mail: jaumin@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 93/94.930.85

А. И. Коршунов

Англо-бурская война в зеркале английской прессы: пропаганда, восприятие, реакции

***Аннотация*:** *В статье рассматривается освещение Англо-бурской войны (1899–1902) в английской прессе. Анализируются ключевые нарративы, формировавшие общественное мнение в Великобритании, включая оправдание военных действий, изображение буров и британских солдат, а также реакцию на критику со стороны оппозиции. Особое внимание уделяется пропагандистским стратегиям, используемым ведущими изданиями, таким как The Times, Daily Mail и The Manchester Guardian. В работе исследуются способы манипуляции фактами, роль цензуры и влияние прессы на восприятие войны британским обществом.*

Ключевые слова*: Англо-бурская война, британская пресса, пропаганда, общественное мнение, цензура, The Times, Daily Mail, The Manchester Guardian, журналистика, информационная война.*

Korshunov A.I."The Anglo-Boer War in the mirror of the British press: propaganda, perception, reactions"

Abstract: *The article examines the coverage of the Anglo-Boer War (1899-1902) in the British press. The key narratives that shaped public opinion in the UK are analyzed, including the justification of military action, the portrayal of Boers and British soldiers, as well as the reaction to criticism from the opposition. Special attention is paid to the propaganda strategies used by leading publications such as The Times, The Daily Mail and The Manchester Guardian. The paper examines ways of manipulating facts, the role of censorship and the influence of the press on the perception of war by British society.*

Keywords: *Boer War, British press, propaganda, public opinion, censorship, The Times, Daily Mail, The Manchester Guardian, journalism, information warfare.*

Вторая Англо-Бурская война является первым конфликтом 20 столетия. Она ознаменовала новую эпоху военного искусства. Именно там впервые массово были применены бездымный порох, шрапнель, пулеметы, униформа защитного цвета и бронепоезда. Вместе с блокгаузами входит в обращение и колючая проволока, используется рентген для нахождения пуль и осколков у раненых солдат. Создаются специальные подразделения снайперов, а сама тактика буров — боевые действия мелкими мобильными отрядами — станет позднее основой для формирования групп спецназа. Это по истине один из серьезнейших моментов истории, мимо которого нельзя пройти мимо. Очень интересным в этой теме является освещение данного противостояния в мировых СМИ. Англия стала изгоем всего цивилизованного мира, её осуждала пресса, Германия отправляла вооружение в помощь Бурам, а со всего света толпы добровольцев записывались в ряды Африканеров, помогая им отстаивать свободу.

В современном мире, насыщенном информационными технологиями, восприятие войны и смерти претерпело значительные изменения. Общественное сознание адаптировалось к постоянному потоку трагических новостей, что сформировало определенную эмоциональную устойчивость к сообщениям о жертвах военных конфликтов. Рассматривая механизмы информационного воздействия Великобритании в контексте освещения военных действий,

необходимо прежде всего понять исторические предпосылки конфликта. Без глубокого анализа причин противостояния невозможно объективно оценить стратегию британских СМИ и правительственных коммуникаций. Особенно сложным вызовом для любого государства является обоснование участия в военных действиях, происходящих на значительном географическом удалении. Как объяснить общественности необходимость отправки войск за тысячи километров от родных берегов? Каким образом рационализировать потери среди соотечественников в конфликте, который кажется далеким от национальных интересов? В исторической ретроспективе, когда общество не имело доступа к современным цифровым платформам и мгновенному распространению информации, формирование общественного мнения происходило по иным принципам. Британская пропагандистская машина того времени использовала доступные ей инструменты с максимальной эффективностью, адаптируя нарративы под информационную экосистему своей эпохи. Для полноценного понимания эффективности и методов британской информационной политики необходимо проанализировать ее в контексте общей геополитической стратегии Соединенного Королевства и в сравнении с аналогичными подходами других мировых держав. Такой комплексный анализ позволит выявить уникальные черты британского подхода к информационному сопровождению военных кампаний. В конце XIX столетия карта мира активно перекраивалась колониальными державами, и Великобритания играла в этом процессе ведущую роль. Масштабный конфликт, известный как Англо-бурская война 1899-1902 гг., стал кульминацией десятилетий геополитического противостояния на африканском континенте. Стремление Лондона к созданию непрерывной цепи британских владений "от Каира до Кейптауна" неизбежно вело к столкновению с независимыми государствами буров - потомков голландских переселенцев. Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство представляли собой успешную модель самоуправления, что противоречило имперским амбициям Британии в регионе. Политика агрессивного колониального расширения, проводимая британской империей, не оставляла места для существования суверенных образований в Южной Африке. Эти небольшие республики с их богатыми ресурсами и стратегическим положением стали последним препятствием для реализации британского проекта по полному контролю над регионом. Особенно раздражающим для Британии было то, что бурские республики демонстрировали жизнеспособную альтернативу английскому колониальному управлению. Голландское происхождение бурских поселенцев и их способность создавать процветающие независимые государства подрывали британскую идеологию о превосходстве английской модели колонизации и управления. Лондон не мог мириться с этим.

Открытие золотых месторождений в 1886 г. на территории Трансвааля обернулось настоящей трагедией для бурского народа. Прежде Лондон не проявлял особого интереса к их республикам, которые, несмотря на скромное благосостояние, успешно обеспечивали свои потребности. Ситуация кардинально изменилась с обнаружением драгоценного металла – британская элита немедленно устремила взор на эти земли, считая, что их богатства должны принадлежать Империи, а не местным фермерам. Британское правительство начало систематически вмешиваться в дела бурских государств, искусственно создавая напряжённость и конфликтные ситуации под разными предлогами. За этими действиями просматривалась явная стратегия – ликвидировать независимость бурских республик и аннексировать их территории в пользу Британской короны [6, p. n/a].

Правительство Великобритании искусно использовало вопрос о правах англоязычных переселенцев, называемых уитлендерами, как предлог для вмешательства во внутренние дела независимых бурских государств. Эта стратегия являлась лишь фасадом для реализации далеко идущих планов по захвату ресурсов. Установление контроля над золотыми месторождениями Южной Африки было критически важным для британской короны, стремившейся

укрепить свое глобальное финансовое превосходство. Империя не гнушалась никакими средствами для достижения этой цели, включая дестабилизацию законных правительств и разжигание внутренних конфликтов. Особенно показательным примером подрывной деятельности стала попытка государственного переворота в Трансваале в 1895 году, известная как рейд Джеймсона. Это была спланированная операция, когда наемники под руководством доверенного лица магната Сесиля Родса предприняли вооруженное вторжение с целью свержения бурского правительства. Политика давления на бурские республики носила системный характер и реализовывалась через различные инструменты влияния: от дипломатического шантажа до прямых военных провокаций. Лондон рассчитывал использовать англоязычных поселенцев как "пятую колонну", которая изнутри подорвет устои бурской государственности. Экономические интересы, замаскированные под заботу о правах человека - этот сценарий империалистического вмешательства стал классическим примером колониальной политики, последствия которой ощущаются в регионе до сих пор [7, p. n/a].

Согласно задумке, уитлендеры должны были восстать против правительства буров, когда Джеймсон со своими 600 вооруженными всадниками вторгнется в Трансвааль. Несмотря на неудачу этой операции, она наглядно продемонстрировала решимость британцев достичь своей цели любыми средствами. Планировалось, что после пересечения границы и продвижения к Йоханнесбургу, британские силы захватят контроль над Преторией, столицей Трансваля, и вынудят президента Крюгера сложить полномочия.

Экономическая блокада и перекрытие транспортных путей стали ключевыми инструментами давления Британии на бурские республики. Лондон намеренно создавал невыносимые условия, блокируя доставку необходимых товаров и вооружения, а также препятствуя железнодорожному сообщению. Британская империя стремилась спровоцировать военный ответ со стороны Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, чтобы затем выставить их зачинщиками конфликта перед международным сообществом [7, p. n/a].

Ситуация достигла критической точки, когда измученные постоянным давлением буры направили ультиматум британцам с требованием остановить военное наращивание на границах. Этот шаг был немедленно использован Британией как желанный предлог для развязывания войны. По сути, Лондон целенаправленно вынуждал бурские республики к сопротивлению, чтобы потом оправдать свои оккупационные планы их "агрессивными действиями".

Задолго до вхождения южноафриканских территорий в структуру Британской империи, влиятельные британские издания формировали в общественном сознании определенное восприятие буров. Среди этих медиа особенно выделялась газета "The Times", которая последовательно создавала негативный стереотип южноафриканских поселенцев голландского происхождения. Британская пресса XIX века активно конструировала образ "чужого", используя для этого разнообразные риторические приемы. Презрительное отношение к бурам проявлялось на страницах "The Times" еще в те времена, когда колониальные амбиции Британии только начинали распространяться на южноафриканский регион. Многие журналисты и редакторы не скрывали своего пренебрежения к культуре и образу жизни этого народа. События 1880-1881 гг., вошедшие в историю как первая англо-бурская война, кардинально изменили восприятие Трансвааля в британских политических и медийных кругах. Военное сопротивление буров заставило многих британских аналитиков пересмотреть свои взгляды. Стало очевидно, что территория, населенная бурами, представляет собой нечто большее, чем просто "незначительное государственное образование" на неосвоенных землях. Военные успехи буров продемонстрировали их организованность и решимость защищать свою независимость. В 1884 г., спустя несколько лет после окончания первого вооруженного конфликта, "The Times" опубликовала редакционную статью, в которой полемизировала с романтизированным образом буров.

Автор статьи отмечал, что некоторые идеалисты стремились изобразить буров как "простодушный народ, ушедший в дикие земли с Библией в одной руке и оружием самообороны в другой, с единственным желанием - быть оставленными в покое". Однако газета категорически отвергала такую интерпретацию, настаивая на противоположной характеристике. По мнению редакции "The Times", именно жизнь в Трансваале сформировала у буров такие качества как агрессивность, алчность и пренебрежение к общепринятым правам и свободам. Газета утверждала, что буры признавали только "право сильного", отвергая цивилизованные нормы международных отношений. Эта медийная кампания по дегуманизации буров впоследствии сыграла важную роль в оправдании британской экспансии в регионе и подготовила общественное мнение к более масштабному конфликту - второй англо-бурской войне. [3, с. 126]

В предвоенный период и на протяжении всего военного конфликта издание "The Times" регулярно получало корреспонденцию от своих читателей, содержание которой существенно усиливало негативный образ бурского населения. Особенно показательны были письма от так называемых "колонистов" - британских подданных, проживавших в Южной Африке. Один из таких анонимных авторов, скрывавшийся под псевдонимом "колонист", направил в газету послание, где выражал благодарность изданию за "взвешенный и сдержанный подход" в статьях, посвященных событиям в Трансваале. Примечательно, что сам автор письма намеренно использовал термин "восстание буров" вместо официального названия "трансваальская война", что лингвистически подчеркивало легитимность британского господства и представляло буров как мятежников против законной власти. Риторика подобных писем строилась на противопоставлении "цивилизованных британцев" и "варварских методов" ведения войны бурскими формированиями. В частности, упомянутый "колонист" детально перечислял предполагаемые преступления буров: организацию разбойных нападений на мирных жителей, систематическое воровство скота, особенно лошадей, необходимых для кавалерии, а также разграбление частных магазинов и торговых точек. Такие обвинения, регулярно публикуемые на страницах влиятельного издания, служили мощным инструментом дегуманизации противника в глазах британской публики. Квалифицируя действия буров как нарушение правил "цивилизованной войны", авторы писем способствовали формированию образа врага, не заслуживающего снисхождения и уважения. Эта читательская корреспонденция, тщательно отбираемая редакторами для публикации, стала важным элементом информационного сопровождения военной кампании и обоснования колониальной политики Британской империи в южноафриканском регионе. Британские наблюдатели часто отмечали, что под маской благородных земледельцев скрывались совсем иные качества представителей бурского сообщества. "Их истинная натура проявилась в полной мере, разрушив миф о благочестии и простоте", — писали в колониальной прессе того времени. [3, p. 132]. Похищение лошадей или крупного рогатого скота нередко приводило к высшей мере наказания. Эта практика, считавшаяся чрезмерно суровой даже по меркам того времени, становилась предметом публичных дискуссий и формирования общественного мнения. Используя подобные примеры жестокости в системе правосудия, британская пропаганда методично формировала представление об антагонистах как о людях, далеких от христианских добродетелей вежливости и смирения. Таким образом происходило планомерное манипулирование общественным сознанием метрополии. Это позволяло имперским властям недвусмысленно сигнализировать британской публике, что местное население колоний солидарно с позицией короны, а не с бурскими поселенцами, что укрепляло моральную позицию Британии в данном конфликте.

Конфликт между англичанами и бурами стал причиной множества смертей. В середине декабря 1899 г. силы буров одержали серию побед, которые британцы назвали "Черной неделей". К. Серридж отмечал, что "неэффективность британских военных усилила негативное

отношение к правительству Великобритании" [4, p. 48]. После нескольких успешных операций британские войска организовали систему концлагерей для семей буров, где погибли около 16 тысяч детей и 4 тысячи женщин. Это событие вызвало громкий общественный резонанс, формируя негативное общественное мнение. Газеты, поддерживающие консервативное правительство, включая "The Times", обвинили в этих трагедиях самих бурских женщин, якобы не владевших элементарными знаниями о медицине и санитарии.

Пробурское издание, например, "The Manchester Guardian", утверждали, что женщины и дети гибли из-за жестокости британцев. Концлагеря унесли жизни примерно 28 тысяч человек – вдвое больше, чем погибло в боевых действиях обеих сторон. В этот исторический отрезок случились две важные вехи: освобождение Мафекинга от осады (18 мая 1900) и уход из жизни королевы Виктории (22 января 1901). Монаршая особа характеризовала буров как "неприятных, жестоких и властолюбивых людей", а её кончина, завершившая целую историческую эру, негативно отразилась на моральном состоянии британских военнослужащих.

Спустя пару лет вооруженного конфликта англичане одержали победу, хотя и понесли существенный урон, в то время как буры утратили свою независимость. Согласно договору, подписанному в Ферининхинге, территории Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства официально вошли в состав Британской империи. Буры прекратили сопротивление и присягнули на верность Эдуарду VII, получив взамен от британских властей гарантии освобождения всех пленных и разрешение вернуться в родные места.

В конце XIX в. британское правительство столкнулось с серьезной проблемой формирования общественного мнения в пользу военных действий. Исторические архивы свидетельствуют о том, что накануне конфликта с бурскими республиками активно использовались разнообразные инструменты пропаганды. Примечательно, что перед началом военной кампании против Южной Африки в 1898-1899 гг. политическая элита Великобритании осознавала необходимость целенаправленного формирования общественной поддержки. В то время большинство британцев не выражало энтузиазма относительно потенциальной войны на африканском континенте. Интересно обратиться к частной переписке высокопоставленных лиц того периода. В июне 1899 г. в конфиденциальном письме к сэру Альфреду Милнеру лорд Селборн откровенно признавал, что идея военного конфликта с Южноафриканской республикой вызывает отторжение у значительной части населения. Однако он же подчеркивал необходимость действовать на опережение, формируя общественное мнение в интересах империи, даже если это противоречило изначальным настроениям граждан. Для достижения этой цели был задействован беспрецедентно широкий спектр медиаресурсов. Пропагандистская машина включала не только традиционные газеты и брошюры, но и развлекательные форматы: театральные постановки, кинематограф, радиопередачи, мюзик-холлы. Особое внимание уделялось визуальным материалам, включая открытки с патриотической символикой. Примечательно, что пропаганда проникала даже в такие неожиданные области, как детская литература, исторические труды и потребительские товары – вплоть до оформления коробок с печеньем. Такой комплексный подход обеспечивал воздействие на все слои населения через различные каналы восприятия. Педагогические институты активно вовлекались в процесс патриотического воспитания. Преподавателям вменялось в обязанность прививать учащимся понимание стратегической важности вооруженных сил как гаранта национальной безопасности. Школьное образование целенаправленно формировало у молодежи чувство патриотического долга и готовности встать на защиту империи. Пропагандистская машина создавала и популяризировала военизированные архетипы, среди которых особую известность получил "Томми Аткинс" — собирательный образ типичного британского солдата, воплощавший идеализированные качества храбрости, стойкости и преданности короне. Этот символический персонаж стал

эффективным инструментом для привлечения новобранцев и формирования положительного общественного мнения о военной службе [1, с. 129].

Дж. А. Хобсон, представитель британской журналистики из издания "The Manchester Guardian", известного своими пробурскими взглядами, провел значительное время в Южной Африке в период нарастающего конфликта. Находясь в эпицентре событий, он собирал материал из первых рук, беседуя с представителями обеих противоборствующих сторон - как с английскими колонистами, так и с бурскими поселенцами. Глубоко впечатленный научными трудами французского исследователя психологии масс Гюстава Лебона, в частности его фундаментальной работой «Толпа», Хобсон применил эти теоретические концепции к анализу происходящих событий. В своих публикациях он отмечал, что конфликт в Южной Африке "предоставил исключительную возможность наблюдать истинную природу массового сознания... того коллективного разума, который мы идентифицируем как британскую нацию". Основной целью публикаций Хобсона было не просто информирование, а критический анализ механизмов военной пропаганды. Он настойчиво призывал своих читателей развивать медиаграмотность: "При анализе происходящего необходимо в первую очередь обращать внимание на работу прессы, которая в современном мире является наиболее эффективным инструментом конструирования общественных настроений" [2, p. 324]. Журналист убедительно демонстрировал, как периодические издания того времени систематически использовались для подготовки общественного мнения к поддержке военных действий, формируя определенные образы противника и создавая искусственное ощущение необходимости вооруженного вмешательства. Хобсон вскрывал технологии манипуляции массовым сознанием, применяемые для оправдания империалистической политики Великобритании в Южной Африке. Репортер, создавая образ "нецивилизованных" буров, стратегически формировал общественное мнение через эмоциональную риторику. Он намеренно избегал фактической проверки, предпочитая опираться на непроверенные слухи и обобщения. Особенно примечательно отсутствие конкретных примеров - ни одного имени беженца, ни одной прямой цитаты пострадавших. Апеллируя к концепции "джентльменства", автор репортажа создавал искусственное противопоставление: если настоящие джентльмены не нападают на безоружных, а буры это делают, следовательно, они недостойны уважения, присущего цивилизованным людям. Такая логическая манипуляция была направлена на пробуждение базовых эмоций - возмущения и жажды возмездия. Реальность же была значительно сложнее представленной картины. Среди так называемых "беззащитных беженцев" находились вооруженные лица, причем национальный состав данной группы был неоднородным - далеко не все являлись подданными Британской империи. Эти критически важные нюансы намеренно опускались для усиления пропагандистского эффекта. Формирование негативного общественного мнения о бурах в значительной степени происходило под влиянием сомнительных журналистских материалов конца XIX века. Предвзятость и неподтвержденные свидетельства стали фундаментом для долговременной стигматизации этого народа. Особенно примечательно в этом контексте влияние публикаций "Cape Times", где без должной проверки распространялись шокирующие обвинения. Среди наиболее одиозных утверждений были рассказы о том, как буры якобы насильно отбирали детей у матерей, чтобы вынудить отцов к определенным действиям. Также сообщалось о случаях запугивания женщин путем демонстрации оружия через окна железнодорожных вагонов. Отдельного внимания заслуживает свидетельство некоего британца, открыто заявлявшего о своих проимперских убеждениях. По его словам, после словесной перепалки с бурским полицейским он был унизительно помещен в транспорт для перевозки скота. Вероятно, подобные истории нуждаются в критическом осмыслении с учетом политического контекста того времени. Газета "The East London Standard" также внесла свой вклад в демонизацию буров,

опубликовав рассказ анонимного свидетеля о предполагаемом нападении пятидесяти вооруженных кожаными хлыстами буров на британских пассажиров, которые всего лишь искали пропитание. Сообщалось о жестоких побоях и лицевых ранениях. В ряде других сенсационных публикаций фигурировали истории о насилии буров над женщинами - в частности, упоминались удары винтовкой по лицу одной дамы и кулаком по горлу другой. Все эти сообщения, хотя и не подкрепленные надежными доказательствами, существенно повлияли на восприятие буров в глазах международной общественности. Джон Аткинсон Хобсон, известный британский экономист и журналист, непосредственно наблюдавший за событиями, категорически опровергал распространенные в прессе истории. По его авторитетному мнению, большинство скандальных сообщений "о насилии... поступающих от прессы в Йоханнесбурге и Кейптауне, были придуманы главным образом для британского рынка". Его свидетельства имеют особую ценность как очевидца событий. Особенно показательны публикации, эмоционально описывающие, что "большинство буров были пьяны, покидая Йоханнесбург" [5, с. 249]. Подобные материалы целенаправленно акцентировали внимание на якобы имевшем место физическом насилии буров в отношении женщин и детей – теме, вызывавшей наибольшее возмущение у викторианской публики и воспринимавшейся как неприемлемое для "настоящего англичанина" поведение.

Необходимо подчеркнуть, что современные историографические исследования подтверждают: значительная часть этих сенсационных историй была надуманной. Военная пропаганда того времени использовала типичные приемы дегуманизации противника, которые мы можем наблюдать и в последующих военных конфликтах XX-XXI вв. Следовательно, данные медийные нарративы следует рассматривать не как достоверные исторические источники, а как элементы информационной кампании. Исторические свидетельства указывают на то, что сообщения о жестокостях буров в отношении женского населения вызывали значительный скептицизм среди жителей Капской колонии. Местное сообщество мыса Доброй Надежды, знакомое с реальным положением дел, с недоверием относилось к распространяемым слухам о насилии со стороны буров над женщинами. Однако эти непроверенные и сомнительные сведения, несмотря на их отвержение в региональном контексте, успешно преодолели географические барьеры. По телеграфным линиям и почтовым маршрутам эти сенсационные, но недостоверные истории достигли редакций влиятельных лондонских изданий. Британская метрополия, удаленная от африканских событий, некритически воспринимала поступающую информацию. Ведущие газеты Лондона, не подвергая сомнению полученные сведения, публиковали их как безусловную истину. [2, p. 165].

В опубликованной статье газеты "The Times" появилось письмо от У. Х. Х., в котором он приводит выдержки из сообщений, отправленных его сыном из Южной Африки. Суть этих сообщений заключалась в категорическом опровержении распространенного мнения о якобы "гуманных" порывах буров, что автор назвал мифом. В тексте подчеркивается скептицизм автора к тому, как некоторые англичане воспринимают информацию о насилии буров в адрес английских женщин, что, по мнению У. Х. Х., свидетельствует о определенной наивности и слабости. Важность данного письма заключается в попытке изменить общественное мнение, заставляя людей задуматься о реальности происходящих событий. Сын У. Х. Х., на основе своего опыта и наблюдений в Южной Африке, настаивает на том, что недоверие к репортажам о брутальности буров является не что иное, как демонстрация слабости со стороны самих англичан. Это определенно задает новый вектор в понимании ситуации и вызывает необходимость переоценки укоренившихся взглядов. Таким образом, письмо, опубликованное в "The Times", и его содержание открыли дискуссию, которая выходит за рамки простого представления фактов. Оно призывает к глубокому анализу предвзятостей и стереотипов, которыми

нередко питается общественное мнение, и подчеркивает важность критического осмысления информации, поступающей из различных источников. Излагая свои мысли, автор стремится развеять распространенное заблуждение, что буры - это необремененные сложностями жизни крестьяне, верующие в Библию и отказывающиеся от применения насилия. Это представление, по его мнению, далеко от истины. В начале своего обращения он подчеркивает, что реальность гораздо более жестока и что действительно имеются надежные свидетельства о жестоких деяниях, которые совершали буры против англичан. У. Х. Х. уверенно утверждает, что эти сообщения о насилии и произволе находят свое подтверждение в фактах. Автор продолжает, указывая на то, что мнение о бурах как о простых, мирных крестьянах было в значительной мере мифом, способствующим скрытию их действительных поступков. Он призывает к более глубокому и объективному анализу исторических данных, чтобы полностью понять сложность ситуации. К завершению своего обращения У. Х. Х. подчеркивает необходимость пересмотра и коррекции нынешнего восприятия буров. Он призывает к более критическому подходу к историческим нарративам, подчеркивая, что реальность часто оказывается намного сложнее принятых упрощенных представлений. Это обращение ставит своей целью только разрушить существующие мифы о бурах. [3, с. 134]

В современном мире пропаганда стала неотъемлемой частью информационного поля, особенно в условиях военных конфликтов. Английская пропаганда в определенных исторических контекстах представляет собой весьма интересный и многогранный феномен, который заслуживает более тщательного рассмотрения. Об Английской пропаганде можно говорить бесконечно, так как это комплексный процесс, который включает в себя множество стратегий и тактик. Однако, несмотря на всю её сложность, главный нарратив пропаганды был довольно чётко уловлен. Во время военных действий — это абсолютно нормальное явление, когда воюющая сторона стремится переклонить общественное мнение в свою сторону. В современной эпохе, с развитием средств массовой информации, такая практика стала ещё более распространённой, и мы уже привыкли к тому, что пропаганда играет важную роль в формировании представлений общества о военных конфликтах. Конечно же, убедить население в правоте своих действий не было простой задачей. Редакции газет были переполнены письмами от читателей, которые выражали своё непонимание и даже протесты против войны. Многие люди не понимали, зачем именно они должны участвовать в этой войне и каким образом это повлияет на их жизни. Это показывает, что пропагандные кампании не всегда могут мгновенно и полностью переубедить общество. Одной из наиболее ярких и запоминающихся частей одной пробурской брошюры был вопрос: «Кто такие буры?». Этот вопрос стал своего рода символом того, как пропаганда пытается создать определённое восприятие противника у населения. Он заставляет задуматься о том, как пропаганда формирует наши представления о тех, с кем мы вступаем в конфликт. В целом, Английская пропаганда в военных ситуациях является важным аспектом изучения истории и социологии. Она демонстрирует, как власть пытается управлять общественным мнением и как население реагирует на эти попытки. И хотя можно продолжать обсуждать её особенности и последствия бесконечно, уже сейчас можно сделать вывод, что пропаганда остаётся мощным инструментом в современном мире. В начале двадцатого века, во времена Бурских войн, велись не только военные действия, но и информационные кампании. Одна из таких кампаний была запущена британским комитетом, целью которого было укрепить мосты понимания между англичанами и бурами. Примечательно, что буры, этническая группа, образовавшаяся в результате смешения голландских колонистов с местным южноафриканским населением, разделяли многие культурные и религиозные черты с британцами. Обе группы были преимущественно протестантами, проводили субботы в отдыхе, и обращались к одному и тому же Богу в своих молитвах, уповая на свое право бороться за свободу и защиту

родины [5, с. 282]. Комитет активно старался донести до общественности, что несмотря на распространенные в те времена стереотипы, усиленно поддерживаемые изданием “The Times”, буры и англичане имеют гораздо больше общего, чем кажется на первый взгляд. Они пытались разрушить предвзятые взгляды, представляя объективную информацию о бурском народе, его культуре и верованиях. Этот подход был реализован через создание и распространение информационных брошюр. Тем не менее, стоит признать, что в условиях того времени охватить внимание всей читательской аудитории было затруднительно. Некоторые различия между аудиториями обеих сторон, включая этническую и религиозную принадлежность, оставались значимыми барьерами для полного взаимопонимания. Несмотря на это, усилия комитета по созданию брошюр способствовали росту осведомленности о бурской культуре и истории среди английской аудитории, внося вклад в развитие более нюансированного восприятия бурских стремлений. В конечном итоге, история борьбы буров за свою независимость и взаимодействие с британским обществом подчеркивает важность диалога и понимания между различными культурами и народами. Она напоминает о необходимости искать общие точки соприкосновения, даже в условиях конфликта, и стремиться к миру через взаимное уважение и признание общей человечности. В связи с его специфической направленностью, этот текст имел в виду весьма узкую аудиторию. В основном, его содержание было рассчитано на протестантов, имеющих англосаксонские корни, что делало его довольно эксклюзивным и ограничивало его восприятие широким кругом читателей. Его уникальность заключалась в обращении к определенной социальной и культурной группе, что задавало особый тон взаимодействия с материалом.

Таким образом, Англо-бурская война стала не только вооружённым столкновением за контроль над Южной Африкой, но и важным этапом в истории развития военной пропаганды. Британское правительство и пресса целенаправленно формировали общественное мнение, используя широкий спектр информационных стратегий – от газетных публикаций и театральных постановок до визуальной агитации и патриотического воспитания. Созданные медийные образы противника позволяли оправдать военную экспансию, мобилизовать население и минимизировать антивоенные настроения внутри страны.

Критический анализ британских и международных источников показывает, что значительная часть антагонистических нарративов о бурах носила пропагандистский характер и была направлена на демонизацию противника. Репортажи о жестокостях буров, опубликованные в британской прессе, нередко основывались на слухах и эмоциональных манипуляциях, что позволяло создать удобный идеологический образ «варварского врага». В то же время журналисты, пытавшиеся осветить войну с альтернативной точки зрения, сталкивались с давлением и маргинализацией.

История пропаганды времён Англо-бурской войны является важным прецедентом, демонстрирующим механизмы манипуляции общественным сознанием в условиях военных конфликтов. Многие методы, применявшиеся в британской прессе конца XIX века, стали стандартными инструментами информационных кампаний в XX и XXI веках. Анализ этих событий не только помогает лучше понять динамику колониальных войн, но и подчёркивает важность критического мышления и медиаграмотности в восприятии исторических и современных конфликтов.

Библиографический список

1. Асоян Б. Р. Сквозь 300 лет — от Кейпа до Трансвааля: штрихи к портрету Южной Африки. — Москва: Новости, 1991. — 428 с., [16] л. ил. — ISBN 5-7020-0202-4.
2. Hobson J. A. The War in South Africa. Its Causes and Effects. — London, 1900. — 324 p.

3. Конан Дойл А. Англо-Бурская война (1899–1902). — Москва: Эксмо, 2004. — С. 126–134.
4. Surridge K. T. Managing the South African War, 1899–1902: Politicians v. Generals. — Woodbridge, UK: Boydell Press, with The Royal Historical Society, 1998. — P. 48.
5. Воропаева Н. Г., Вяткина Р. Р., Шубин Г. В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. по архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. — Москва: Восточная литература, 2001. — С. 249, 282.
6. Журнал для всех, 1900. — № 1.
7. Южноафриканские сокровища: как геологические открытия развязали англо-бурскую войну. URL: https://e-news.su/in-world/322656-yuzhnoafrikanskie-sokrovischa-kak-geologicheskie-otkrytiya-razvyazali-anglo-burskuyu-voynu.html [Дата обращения: 17.03.2025].
8. Англо-бурская война (1899–1902). URL: https://bigenc.ru/c/anglo-burskaia-voina-1899-1902-cb8d9d [Дата обращения: 17.03.2025].

Сведения об авторе:

Коршунов Андрей Игоревич, магистрант 1 курса магистратуры Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: Korshunovandrei.32@list.ru

УДК 94

Т. Г. Петросова

Англо-русское соглашение 1907г.: шаг навстречу Великобритании и России, или вынужденная необходимость по разрешению накопившихся противоречий?

Аннотация: *В статье исследуется значение заключения англо-русского соглашения 1907г., акцентируется внимание на британо-российские противоречия по разделу сфер влияния, в том числе и на Дальнем Востоке, а также освещению в британской прессе вопросов британо-российского взаимодействия на пути к соглашению 1907 г.*
Ключевые слова: *Внешняя политика Великобритании, Внешняя политика России, Дальний Восток, британская пресса, англо-русское соглашение 1907 г.*

Petrosova T. G. The Anglo-Russian Agreement of 1907: a step towards Great Britain and Russia, or a forced need to resolve accumulated contradictions?
Abstract: *The article examines the significance of the conclusion of the Anglo-Russian agreement of 1907, focusing on the British-Russian contradictions over the division of spheres of influence, including in the Far East, as well as the coverage in the British press of issues of British-Russian interaction on the way to the agreement of 1907.*
Keywords: *British foreign policy, Russian Foreign Policy, the Far East, the British press, the Anglo-Russian agreement of 1907.*

Процесс заключения англо-русского заключения 1907 г. являлся сложным и неоднозначным в истории. Данному событию было уделено немало внимания в работах исследователей, в первую очередь, по причине того, что это событие завершило формирование военно-политического блока «Антанта». Возникает вопрос: действительно ли англо-русское соглашение является свидетельством потепления британо-российских отношений, или это была вынужденная необходимость в сложившихся тогда геополитических реалиях?

Великобритания и Россия на протяжении нескольких столетий к 1907 г. накопили немало противоречий, особенно касающихся раздела сфер влияния на Ближнем и Дальнем Востоке, расценивали друг друга как соперников, но при этом в прямую конфронтацию не вступали.

К началу XX века для Великобритании встал сложный выбор направления в выстраивании будущей внешней политики. Это было обусловлено рядом серьезных обстоятельств на международной арене. С одной стороны, усиление позиций России на Дальнем Востоке, с другой – проявление имперских амбиций у Германии и Японии. Особую обеспокоенность у британского правительства вызывали франко-русский союз и усиление Германии на море, что ставило под угрозу морское превосходство Великобритании, а также её геополитическое могущество в колониальном плане. Британцы полагали, что следует в этих условиях привлечь на свою сторону Францию, но в этом направлении следовало бы прежде решить с ней вопрос о разграничении сфер влияния в Африке. Как отмечал, Р. П. Черчилль: «Уступок, которые могла бы предложить Великобритания, было бы недостаточно, чтобы вырвать Францию из её союза с Россией, и позиция Франции в Марокко была бы желанной для Великобритании, поскольку она находилась на пути к британскому контролю над кратчайшим морским путем в Египет и Индию». [5, p.1] Тем не менее, благодаря успешной дипломатии Великобритании и Франции, удалось преодолеть накопившиеся трудности в территориальных вопросах, и в 1904 г. было заключено англо-французское соглашение.

Теперь перед Великобританией стояла задача достичь соглашения с Россией, но с ней уладить разногласия было еще труднее, так как она могла предложить меньшие уступки, чем было предложено Франции. Ещё одним обстоятельством, осложнявшим британо-российское сближение, было убеждение российского правительства в том, что сильная Германия необходима для их страны, интересы двух наций не противоречат друг другу, а, соответственно, российско-германский союз весьма вероятен, что крайне нежелательно для Великобритании и противоречит её интересам.

Для России как во внутриполитическом, так во внешнеполитическом планах начало XX в. было достаточно сложным. Ключевыми здесь были два фактора: первая русская революция 1905-1907 гг. и неудачная русско-японская война 1904-1905гг. В связи с обозначенными обстоятельствами, российское правительство было не готово к новым столкновениям на Дальнем Востоке, а Великобританию рассматривало как средство сдерживания Японии и возможного союзника по вопросам внешней политики. Как сообщал «Московский еженедельник» в это время, между Россией и Великобританией наметилось определенное сближение. [3, с. 14] После поражения в русско-японской войне в результате ряда особых совещаний в российском правительстве был четко обозначен курс во внешней политике, который наиболее полно был выражен министром иностранных дел А. П. Извольским: для России лучше «надежно обеспечить хотя бы часть наших интересов», чем продолжать соперничество с Англией «в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас в ущерб всем нашим пользам». [4, с. 36] Следует отметить, что на мировой арене позиции России были сильно ослаблены в это время, поэтому заключение соглашения с Великобританией могло поспособствовать исправлению данной ситуации. Россия в результате сближения с Великобританией обезопасила бы себя на Дальнем Востоке, после примирения с Японией укрепила бы свой союз с Францией и смогла бы вернуться к проведению активной политики на Ближнем и Среднем Востоке. [1, с. 12]

Осложняющим фактором в стремлении России и Великобритании наладить дипломатические отношения и прийти к заключению соглашения по разграничению сфер влияния была политика Германии, направленная на недопущение англо-русского сближения. Еще в 1904г. предметом русско-германской дипломатической переписки стал вопрос о заключении русско-франко-германского союза. Целями германских политиков, выдвинувших этот оказавшийся утопичным проект, были как нейтрализация русско-французского союза, так и стремление не допустить сближения этих держав с Великобританией. В Германии хорошо понимали, что Франция менее всего заинтересована в подобной комбинации, поэтому кайзер предлагал императору Николаю II обо всем договориться и лишь после этого поставить в известность французскую сторону. [2, с. 70] Подобные устремления Германии вызывали тревогу у британского правительства, поэтому подталкивали к скорейшему заключению соглашения с Россией в целях защиты своих геополитических интересов. Бисмарк, заявлял, что антагонизм между Россией и Великобританией является основополагающим элементом существующей политической ситуации, на что Солсбери (премьер-министр Великобритании – прим. Т. П.) отвечал заявлением о том, что англо-русские отношения позволят достичь наиболее совершенного согласия и что, возможно, в настоящий момент у Великобритании меньше противоречивых интересов для обсуждения с Россией, чем с любой другой державой. [5, p. 17]

Рассуждения об опасности войны со стороны Германии, высказанные на страницах британских газет, способствовали ускорению процесса заключения англо-русской конвенции. Значимость будущего соглашения в британской прессе определялась задолго до его подписания, основываясь на опыте русско-японской войны. Так, на страницах The Daily Telegraph британский корреспондент The Times в Петербурге отмечал, что англо-российская Антанта по

всем азиатским вопросам, и особенно по вопросам влияния в Персии будет заключена и отмечал, что она станет первым дипломатическим событием, которое освятит дружбу, объединяющую Англию с Францией, союзницей России. [7] Соглашение между Великобританией и Россией должно было восстановить баланс сил на международной арене и не допустить крупного военного конфликта, поэтому и в британских, и в российских правящих кругах идея его скорейшего достижения воспринималась крайне благожелательно.

Таким образом, и для России, и для Великобритании в сложившихся условиях на международной арене, заключение союзного соглашения становилось, с одной стороны, перспективой долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества, а, с другой стороны, вынужденной необходимостью.

После того, как все проблемные вопросы по разделу сфер влияния были решены, 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение было подписано, завершив формирование военно-политического блока «Антанта». Ведя переговоры с Россией, Великобритания и об общем союзнике – Франции. Чтобы обезопасить себя от конкретных обязательств в отношении Проливов (Босфор и Дарданеллы – прим. Т. П.) в случае, если Франция со своей стороны пообещает России пересмотр режима Проливов в приемлемом для России духе, британский министр (Э. Грей – прим. Т. П.) предупреждал Никольсона (британский посол в России – прим. Т. П.), чтобы в соглашении не были затронуты международные вопросы. [1, с. 34] Учитывая сложности по разрешению территориальных споров по разделу сфер влияния между Великобританией и Россией, соглашение было подписано в обстановке строжайшей секретности, а, соответственно, его условия не афишировались в прессе, тем не менее, так как соглашение являлось серьезным дипломатическим успехом в развитии британо-российских отношений, его появление активно освещалось на страницах британских газет. Так, на страницах The Westerns Times отмечалось, что, комментируя англо-российское соглашение, полуофициальная газета "Nordeutsc Allgemeine" писала о том, что у Германии были основания косо смотреть на переговоры, поскольку были даны заверения, что немецкие интересы будут уважаться. [9] The Citizen радостно сообщала: «Теперь можно дать оценку принятию англо-российского соглашения и более четко обозначить некоторые принципы, на которых должна основываться четко продуманная либеральная внешняя политика. Сэр Эдвард Грей, должно быть, испытывает значительное удовлетворение, которое господин Джон Морли поделится общим духом комментариев, которые уже появились. Тот факт, что обещания, данные царскими министрами в отношении границ Центральной Азии, не вызвали в России никаких негативных комментариев, показывает, насколько полностью ура-патриотизм был подавлен среди российской бюрократии в результате ее последней разрушительной авантюры. Интеллигентное мнение как в Англии, так и в России единодушно радуется тому, что урегулирование, необходимость которого возникла из-за побед Японии и неспособности российского правительства решить свои внутренние проблемы, теперь получило официальную, четкую и, как есть все основания полагать, окончательную санкцию». [6] The Homeward Mail отмечала позитивный настрой японского общества по отношению к заключенному англо-русскому соглашению: «Японские газеты дружно аплодируют англо-русскому соглашению, которое, по их словам, обеспечивает мир во всем мире на несколько лет. Они считают, что интересы обеих сторон были должным образом учтены, поскольку Конвенция лишь подтверждает статус-кво, и они гордятся тем фактом, что англо-японский союз положил начало ряду соглашений, которые в конечном итоге были подписаны Антантой». [8] Судя по отдельным заметкам в британских газетах, можно сделать вывод, что, в целом, в британском и российском обществах англо-русское соглашение было воспринято позитивно, Япония считала, что заключение этого соглашения является и ее заслугой, а в Германии оно вызывало определенное напряжение.

Значение англо-русского соглашения в 1907г. было велико, так как оно позволило урегулировать накопившиеся территориальные разногласия между Великобританией и Россией, хотя отдельные спорные вопросы по разграничению сфер влияния в Азии удалось решить в 1908 г. дополнительными соглашениями. Важный шаг был сделан – завершение формирования военно-политического блока «Антанта». Достигнутое Англо-русское соглашение было стратегическим важным и для Великобритании, и для России. Сложившаяся международная обстановка подталкивала оба государства к налаживанию дипломатических отношений между собой, так как в сложившихся геополитических условиях это было необходимым шагом для сохранения позиций Великобритании и России, как ведущих держав мира.

Библиографический список

1. Лунева Ю. В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). М.: «Квадрига», объединенная редакция МВД России, 2010. – 272 с.
2. Романова Е. В. Путь к войне: развитие англо-германского конфликта, 1898-1914гг. М.: Макс Пресс, 2008. – 328 с.
3. Трубецкой Г. Тревожные слухи // Московский еженедельник. – 1906. – № 37. – С. 13-14
4. Шацилло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000. – 399 с.
5. Churchill R. P. Anglo-Russian Convention of 1907. Iowa, 1939. – 365 p.
6. The Citizen, 1907, September 30
7. The Daily Telegraph, 1905, September 5
8. The Homeward Mail, 1907, September 30
9. The Westerns Times, 1907, September 30.

Сведения об авторе:

Петросова Татьяна Геннадьевна, директор МБОУ «СШО№25», п. Лоза Сергеево-Посадский городской округ, e-mail: tatyanka1204@rambler.ru

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ИСТОРИИ

УДК 221.7

А. П. Кусакин

Конфуцианство и легизм: сосуществование и противостояние в Китае в V – II вв. до н.э.

Аннотация: *Статья посвящена изучению влияния конфуцианства на все стороны общественной жизни Китая (социальную, политическую жизнь и идеологическую) в эпоху династии Хань на рубеже III –II веков до нашей эры. Тяжелый экономический и социальный кризис, а также разрушение административной системы, вызванные восстанием против деспотического правления Цинь, хаос в политике — все это привело к глубокому упадку Китая на рубеже III–II вв. до н. э. Императору Лю Бану, основателю новой императорской династии Хань в Китае, пришлось начинать все с чистого листа. Новый император мог полагаться на древний опыт, на сложившуюся систему государственных институтов. Устаревший легизм с его жесткими нормами и бесчеловечной практикой больше не мог служить официальной идеологией и был отвергнут, хотя не полностью. Вместо него было принято измененное и адаптированное к нуждам империи конфуцианство. Так началась эпоха конфуцианской империи в Китае, и можно провести условную границу между древностью и средневековьем именно между династиями Цинь и Хань. Впрочем, можно также увидеть эту условную границу в 221 г. до н. э., когда была учреждена империя.*
Ключевые слова: *Китай, философия Китая, легизм, Конфуций, конфуцианство, идеология, культура.*

Zaitsev S.V. Russia-China security cooperation in the Persian Gulf
Abstract: *The article is devoted to the study of the influence of Confucianism on all aspects of Chinese public life (social, political, and ideological) during the Han Dynasty at the turn of the III–II centuries BC. The severe economic and social crisis, as well as the destruction of the administrative system caused by the uprising against the despotic rule of Qin, and the chaos in politics — all this led to the deep decline of China at the turn of the III–II centuries BC. Emperor Liu Bang, the founder of the new Han imperial dynasty in China, had to start from scratch. The new emperor could rely on ancient experience, on the established system of state institutions. Outdated legalism, with its rigid norms and inhumane practices, could no longer serve as an official ideology and was rejected, although not completely. Instead, Confucianism, modified and adapted to the needs of the empire, was adopted. This is how the era of the Confucian empire began in China, and it is possible to draw a conditional boundary between antiquity and the Middle Ages, namely between the Qin and Han dynasties. However, one can also see this conditional boundary in 221 BC, when the empire was established.*
Keywords: *China, Chinese Philosophy, Legalism, Confucius, Confucianism, ideology, culture.*

На рубеже III–II вв. до н. э. Китай столкнулся с серьезным экономическим и социальным кризисом из-за восстания против деспотического режима Цинь, разрушения административной системы и политического хаоса, что привело к глубокому упадку Китая. Поля остались без внимания, в стране царил голод, что привело к катастрофическому сокращению численности населения. Императору Лю Бану, основателю новой императорской династии Хань в Китае, пришлось начинать все с чистого листа. Новый император мог полагаться на древний опыт, на сложившуюся систему государственных институтов. Устаревший легизм с его жесткими нормами и бесчеловечной практикой больше не мог служить официальной идеологией и был отвергнут, хотя не полностью. Вместо него было принято измененное и адаптированное к нуждам империи конфуцианство. Так началась эпоха

конфуцианской империи в Китае, и можно провести условную границу между древностью и средневековьем именно между династиями Цинь и Хань. Впрочем, можно также увидеть эту условную границу в 221 г. до нашей эры, когда была учреждена империя. Многие в Китае именно так и делают: в этом смысле Китай до правления династии Цинь является синонимом древнего Китая. Затем началась эпоха более чем двухтысячелетней империи.

Конфуцианство, известное в Китае как жусюэ, представляет собой комплексное учение, включающее в себя элементы традиции, философии, религии, гуманизма и рационализма, а также принципы управления и образа жизни. Конфуцианство возникло как результат эволюции различных интеллектуальных течений доимперского и раннего имперского Китая, объединенных под общим названием "Сто школ мысли". Эти философии и школы процветали с VI в. до н.э. до 221 г. до н.э. в древнем Китае. Этот период, известный как Период Чуньцю или Период Весны и Осени, охватывает события в китайской истории с 723 г. до н.э. по 481 г. до н.э., когда Конфуций считался одним из составителей летописи Чуньцю. Также важным является Период Чжаньгошидай, или Период Воюющих царств, который простирается с V века до н.э. до объединения Китая Цинь Шихуанди в 221 г. до н.э.

Конфуцианство также рассматривается как этическое и философское учение, разработанное Конфуцием (Кун-цзы, реже Кун Фу-цзы), (551 (или 553) г. до н.э. – 479 (или 480) г. до н.э.)) и развитое его последователями, вошедшее в религиозный комплекс Китая, Кореи, Японии и некоторых других стран Востока. Конфуцианство является одновременно мировоззрением, общественной этикой, политической идеологией, научной традицией, образом жизни, иногда рассматривается как философия, иногда как религия. Конфуцианство развилось из того, что позднее получило название «Сто школ мысли»: из учения китайского философа Конфуция, считавшего себя пропагандистом ценностей «золотого века» правления династии Чжоу несколькими столетиями ранее (1045 г. до н.э. – 221 г. до н.э.).

Легизм – одна из основных школ китайской философии эпохи Чжаньго, которая известна также как «Школа законников» (фа цзя). Он зародился примерно в VII в. до н. э. и окончательно оформился примерно к III в. до н.э. Признанного основателя у легизма нет, однако считается, что основы его философии были заложены чиновниками, которые стремились ограничить привилегии наследственной аристократии

Основные положения легизма:

1. «По своей природе народ ненавидит труд, любя покой; при последнем наступает запустение, а при запустении - неустройство» (Хань Фэй). «Необходимо ликвидировать распущенность, установить «четкие представления» о наказаниях, наградах, наставлениях» [1, p. 2] (Шан Ян).

2. Конфуцианское человеколюбие нежизнеспособно как принцип управления. «Проливать слезы и не желать прибегать к наказаниям - это человеколюбие; однако нельзя не прибегать к наказанию - таков закон. Древние правители выше всего ставили закон, а не человеколюбие» [2, p. 2] (Хань Фэй). Шан Ян относил к чрезвычайно вредным установлениям («паразитам») конфуцианские институты: правила ли (ритуал), музыку, почитание старых порядков, добродетель, честность, бескорыстие, человеколюбие, сыновнюю почтительность, братский долг, справедливость. Хань Фэй приводит примеры вредности таких конфуцианских установлений. Вот один из них. В одной из провинций отец украл барана, а сын донес на него властям. Правитель, действуя по-конфуциански, приказал казнить сына, поскольку он, поступая правильно по отношению к государю, изменил отцу.

Один человек три раза проявил трусость на войне, убегая от врага. Он объяснил это тем, что у него старый отец, и если сын погибнет, то некому будет содержать отца. Так сын, почтительный к отцу, может оказаться подданным, изменившим своему государю.

3. Введение законов с жесткими нормами, обязательными для всех и обеспеченными наказанием. «Принцип закона состоит в том, что уложения и указы издаются государственными учреждениями, а народ в своем сердце крепко помнит о наказаниях, награды раздаются тем, кто остерегается закона, кары падают на тех, кто нарушает указы» [1, p.39]. Эти нормы называются законом (фа) в отличие от обычных норм ритуала. «Когда правитель разумен, у него есть закон, благодаря этому он сможет направлять людей к принесению всех своих сил, согласно закону, и самопожертвованию на местах служения» [1, p. 41] (Хань Фэй).

4. Унификация норм. «Совершенно мудрый, управляя государством, устанавливает единые правила наград, единые правила наказаний, единые правила наставлений. Если установить единые правила наград, то армия не будет иметь себе равных; если установить единые правила наказаний, то приказы будут выполняться; если установить единые правила наставлений, то низшие будут подчиняться высшим» [1, p. 41] (Шан Ян). Один экземпляр законов и предписаний должен храниться во дворце государя в запретном здании, опечатанном печатью. Он должен служить для унификации и уяснения смысла закона и предписания высшими чиновниками-законниками, которые разъясняют его народу и чиновникам.

5. Строгая система наказаний. «Коль наказания мягки, невозможно искоренить преступность», «в образцово управляемом государстве много наказаний и мало наград» [1, p. 43] (Шан Ян). Необходима борьба против частнособственнических тенденций, приводящих к накоплению богатств у подданных, а не в казне («законы устанавливаются для управления частного: когда законы действуют, частным интересам нет места; частное вносит смуту в закон» - Хань Фэй), а также существует система доносов и даже круговая порука. Необходимо учредить систему взаимной ответственности, чтобы собирать сведения о происходящем («десятки» и «пятерки», которые подвергаются совместным награждениям и (или) наказаниям).

6. Укрепление войска, чиновничьего и карательного аппарата на основе строгой ответственности государственных служащих и почтения к государству. Жесткость законов должна проявляться и по отношению к чиновникам, независимо от занимаемой должности («ранги знатности не спасают от наказаний ни преданного сановника, ни примерного сына» - Шан Ян). Если чиновник не соблюдал законы, то могли пострадать три категории его родственников. Поощрялись доносы на чиновников. Доносивший должен был, по Шан Яну, наследовать должность, ранг знатности, поля и жалованье опального чиновника. Государство превращалось в самодовлеющий институт, в смысл и цель существования общества. Это была теоретическая схема восточной деспотии, но лишенной инертности, активно себя защищающей.

В первые десятилетия правления императоров династии Хань необходимость организации управления многомиллионным населением империи потребовала системы отбора и подготовки чиновников-администраторов. Постепенно был выработан порядок рекомендации на государственные должности, а в 124 г. до н. э. впервые были введены государственные экзамены. В выработке экзаменационных требований, в приспособлении идей легизма и конфуцианства прошлых эпох к новым потребностям управления государством важную роль сыграл Дун Чжун-шу (179—104 гг. до н. э.), получивший прозвание «Ханьского Конфуция».

Дун Чжун-шу ввел учение о человеке в контекст универсального дуализма. Вселенная (макрокосм) и человеческая природа (микрокосм), представляя единство противоположных начал — инь и ян, «светлого» и «темного» - аналогичны и двойственны. Дун Чжун-шу полагал, что в природе человека заключены как чувства и желания (цин), так и нравственные инстинкты, как зло и алчность, так и человеколюбие. Природное положительное — честность и простота, честность и искренность (дунь пу и дунь хоу) —необходимо поддержать и развить

воспитанием, и, наоборот, все алчное и низкое (тань би) необходимо ослабить, по возможности нейтрализовать, а еще лучше—подчинить нравственным началам. [11, p.1] В своем комментарии на одну из классических конфуцианских книг «Чунь цю» Дун Чжун-шу указывал: «Природа (син)—это природная сущность, [дарованная] Небом, в необработанном состоянии. Добро—это [плод] преображения [человека] наставлениями царя. Если б у него не было бы такой природной сущности, то наставления царя не в состоянии были бы преобразить его. Если бы у него не было таких наставлений царя, то его природная сущность в необработанном состоянии не смогла бы стать доброй» [12, p.65]

Дун Чжун-шу подчеркивал, что природу человека можно уподобить кокону, который путем обработки превращают в шелковые нити. Царь, в соответствии с волей Неба, завершает формирование нравственных качеств, заложенных в природе людей, как горшечник или литейщик преобразуют свой материал [12, p. 41]

При этом «чувства и желания», воплощающие «темное начало» - алчность, своекорыстие, разнузданность - должны умеряться, обуздываться. Средством воздействия на человека являются наставления государя. Если го-

сударь - наставник подданных, то Небо - наставник государя. Дун Чжун-шу заимствовал идею Мо-ди о предостережениях Неба заблуждающемуся, сошедшему с верного пути правителю.

Таким образом, учение о двойственной природе человека, необходимости ее преобразования, наставлениях и личном примере императора как инструментах этого преобразования соединяли нравственно-воспитательную проповедь Кун-цзы (Конфуция) с управленческими рекомендациями легизма. Через принцип сыновней преданности(сяо) реализовывался принцип беспрекословного исполнения долга(ли). Дун Чжун-шу обеспечил конфуцианству ведущее место в духовной жизни общества. Он сблизил легистскую трактовку закона с традиционными представлениями об обычном праве, утвердив в области морали органическое единство «пяти постоянств»—гуманности (жэнь, ритуала, соблюдения этикета (ли), верности(синь), долга, справедливости(и), мудрости (чжи).

В эпоху Хань конфуцианство стало официальной идеологией. С появлением жесткого легизма Шан Яна в середине Чжаньго противостояние этой доктрины с конфуцианством достигло наибольшего накала. Шан Ян негодовал, когда заходила речь о «говорунах» и «паразитах» типа «знатоков Ши цзина и Шу цзина», т.е. о конфуцианцах. И, действительно, то, что предлагал жесткий легизм, было абсолютно противоположным доктрине и методам великого Учителя и его последователей из школы жу-цзя. Но так продолжалось недолго. Началось движение к некоему синтезу конфуцианства и легизма. Этот процесс был связан с именем представителя школы жу-цзя - Сюнь-цзы.

Трактат «Сюнь-цзы» представлял собой конфуцианский текст с явной склонностью к синтезу с легизмом. В нем можно встретить немало элементов, заимствованных из легизма, начиная с похвалы Циньским порядкам и заканчивая утверждением, будто бы сам Конфуций был не чужд строгим наказаниям за ничтожные проступки (речь идет о казни некоего шао-чжэна Мао, якобы совращавшего своими неконфуцианскими речами молодежь).

Неизвестно, были ли у Сюнь-цзы единомышленники, стремившиеся к сближению с легизмом. Его лучшие ученики, Хань Фэй-цзы и Ли Сы, стали активными сторонниками легизма и фактически забыли о конфуцианстве. Похоже, что к синтезу призывал в то время только сам Сюнь-цзы, остававшийся, при всей его склонности к сближению с легизмом, не только активным, но и разумным конфуцианцем, способным вывести школу жу-цзя из политики непримиримости, в которой она находилась после Мэн-цзы. С одной стороны, абсолютно очевидно, что сам Сюнь-цзы в своем стремлении интерпретировать по-своему доктрину

Конфуция и непримиримого Мэн-цзы мало преуспел и не добился признания. А его ученик Ли Сы стал на посту первого министра империи Цинь движителем тех реформ легистского толка, которыми было отмечено правление первого китайского императора Цинь Ши-хуана [4, p. 11]. Многие данные свидетельствуют, что при династии Цинь противостояние конфуцианства легизму не только не смягчилось, но даже обострилось, чему в немалой степени способствовал именно Ли Сы. Как сообщает Сыма Цянь, он призывал императора быть решительным в реформах и не слушать тех (прежде всего, конфуцианцев), кто призывает изучать древность и следовать ей, но не принимать во внимание требования современности: «А вот нынешние ученые мужи не учатся у современности, изучают [лишь] древность, чтобы поносить наш век и вносить сомнения и сеять смуты среди черноголовых» [4, p. 7].

Известно также, что именно по совету Ли Сы Цинь Ши-хуан приказал сжечь книги - в первую очередь, конфуцианские, - дабы не давать повода тем, кто кивает в сторону древности, смущать людей [5, p. 14]. Вслед за тем были изданы суровые законы, резко ограничивавшие возможности представителей разных школ, в первую очередь конфуцианцев, пропагандировать свои идеи. Эти законы были восприняты даже в циньских верхах далеко не единодушно. Старший сын Цинь Ши-хуана, Фу Су, счел необходимым возразить отцу, считая, что гонения на конфуцианство приведут к нарушению стабильности в империи. Однако его мнение не принято было во внимание, а его самого отец послал на север под предлогом необходимости проконтролировать действия генерала Мэн Тяня. В число решений, которые осудил Фу Су, входил и знаменитый чудовищный приказ казнить 460 «ученых мужей» [6, p. 11]. Можно добавить к сказанному, что в период господства империи Цинь в ней существовали законы шаньяновского типа, предусматривавшие суровые наказания даже за небольшие проступки. Собственно, поэтому царствование Цинь Ши-хуанди вошло в историю Китая как легистский эксперимент, не удавшийся по ряду весомых причин. Этот вывод ныне считается общепринятым и входит в учебники истории.[9, p. 16] . Однако традиция, не только слившаяся с конфуцианством и ставшая, по сути, конфуцианской, но и еще раз интерпретированная в примирительном духе Сюнь-цзы, не могла не оказать влияние на элиту только что созданной империи. В специальной статье, посвященной этой проблеме, Е.П. Синицын обратил внимание на ряд документов и, в частности, на язык стелл Цинь Ши-хуана, текст которых воспроизведен в главе 6 труда Сыма Цяня. Язык действительно весьма близок к традиционному конфуцианскому. Встречаются, например, упоминания о сыновней почтительности сяо, гуманности и долге, коими будто бы преисполнен император, а также цитаты из «Шицзина» [4, p. 9]

Анализируя тексты, в основном, ханьских авторов, Е.П. Синицын делает вывод, что конфуцианство не было чуждо правителям Цинь еще до образования империи. Этот тезис подкреплен ссылками на конфуцианство, обновленное Сюнь-цзы и ставшее ближе к легизму и вообще к реалиям конца Чжоу [8, p. 65] . В частности, упоминается о поездке Сюнь-цзы в Цинь, которая послужила толчком в изменении взглядов этого мыслителя и сближении его с легизмом [10, p. 180] .Факты, свидетельствующие о реальном сближении правителей царства Цинь с конфуцианством, можно было бы найти, обратившись, например, к эклектической по характеру энциклопедии «Люй-ши чуньцю», писавшейся в царстве Цинь в конце периода Чжаньго. Само появление такого трактата в царстве Цинь свидетельствует в пользу утверждений Синицына о том, что конфуцианство не было чуждо циньскому населению накануне создания империи. Другое дело, насколько традиции, связанные с конфуцианством, не чуждые императору Цинь Ши-хуанди, сыграли или могли сыграть существенную роль при строительстве им империи.

Стоит также иметь в виду, что после смерти Шан Яна легизм в империи Цинь постепенно становился менее жестким под влиянием господствовавшей в Поднебесной традиции, в которой преобладали конфуцианские элементы. Однако едва ли этот процесс зашел слишком далеко. Скорее всего, можно говорить только о несколько менее жестком легизме. Доказательством тому могут служить кровопролитные войны циньских генералов, отличавшихся исключительной жестокостью, а также система наказаний, явно введенная в империи Цинь по шаньяновскому стандарту. Речь идет о расправах с инакомыслящими «учеными мужами», о смертной казни тех, кто опоздал прибыть к месту отбывания очередной повинности. По словам Сыма Цяня (глава 18) [5, p. 19], именно это послужило причиной восстания Чэнь Шэна, с которого начались народные движения, приведшие к краху империю Цинь.[10, p. 186] Можно согласиться с Е.П. Синицыным, что циньские правители в конце Чжаньго, а также первый император Цинь Ши-хуан и его премьер Ли Сы не были ревностными энтузиастами одного только жесткого шанъяновского легизма, хотя и отдавали ему должное. Но нет сомнений, что во многом они оставались приверженцами традиционного легизма времен Шан Яна. Словом, нет никаких весомых оснований считать правителей империи Цинь в той же мере конфуцианцами, что и легистами. Все было намного сложнее. Речь идет только о некоем процессе синтеза, который проявил себя далеко не сразу.

Как известно, жесткий легизм Шан Яна и мягкий Шэнь Бу-хая были своего рода соперниками на протяжении длительного времени. Еще Хань Фэй-цзы настойчиво уверял, что следует учитывать и рекомендации школы Шан Яна, и разработки Шэнь Бу-хая, поскольку только объединение того и другого даст оптимальный результат. К его призыву явно не прислушались, ибо на протяжении значительного, почти столетнего, периода становления империи, вплоть до времен ханьского У-ди (правления 140-87 гг. до н.э.), шло соперничество сторонников Шан Яна и Шэнь Бу-хая [9, p. 11] Заметим, что мягкий легизм Шэнь Бу-хая не только не противостоял конфуцианству как доктрине, но был практически готов к сосуществованию с представителями школы жу-цзя, чего нельзя сказать о шаньяновском легизме.

Однако это соперничество постепенно сглаживалось, особенно в период длительного правления ханьского У-ди. К этому времени стало абсолютно ясно, что без системы идей и институтов легизма нельзя было бы создать китайскую империю как нечто целостное и централизованное, как достаточно крепкую административную структуру, способную держать удары извне и изнутри и возрождаться при благоприятных обстоятельствах. Но еще более очевидным стало понимание того, что официальной идеологией прочной империи не могут быть доктрины, не ставящие во главе конфуцианские традиции с их моральным стандартом, культом предков и старших, отеческой заботой администрации о нормальном существовании населения.

Казалось бы, обе доктрины слишком различны, порой противоположны и резко направлены в разные стороны. Но это не так. [9, p. 11] Между конфуцианством и легизмом при всем их противостоянии, даже непримиримости было немало общего. Оба учения интересовались преимущественно социально-политическими проблемами, хотя конфуцианство отдавало первенство традиции и морали, а легизм— сиюминутным задачам, искусству администрации и силовым методам. Оба учения видели будущее Поднебесной в крепкой централизованной империи, управляемой хорошо подобранным аппаратом власти из квалифицированных чиновников. Только в одном случае чиновники воспринимались не столько как слуги правителя, сколько как заботливые покровители народа, тогда как в другом - как сила, призванная заставлять людей служить правителю и власти во имя благополучия империи.

Но само по себе некоторое функциональное сходство доктрин, равно как и явная эволюция конфуцианства Сюнь-цзы в сторону легизма или усиление влияния конфуцианских традиций в Цинь, было лишь условием для синтеза. Подлинной же причиной этого следует считать жизненную необходимость, выявившуюся, впрочем, уже после образования империи: создать оптимальную модель управления Поднебесной, что объективно выдвигало на передний план жесткий легизм. Но неудача Цинь Ши-хуанди (даже при его внимании к мягкому легизму Шэнь Бухая и к конфуцианской этике и риторике) была, в конечном счете, связана с крахом политики шанъяновского легизма, преобладавшего в административном арсенале. Пришедшие после него к власти правители империи Хань извлекли из этого должный урок и сделали все для изменения акцента и перенесения точки опоры на шэньбухаевский легизм и конфуцианство. Это было закреплено, хотя и не сразу, в официальной идеологии— ханьском конфуцианстве, вобравшем в себя немало полезных и необходимых для существования империи идей и институтов легизма, но отдавшего при этом решительное предпочтение идеям школы жу-цзя, взяв из них, в том числе и из построений «Чжоули», все возможное.

Следует оговориться, что все это хронологически выходит за рамки периода Чжаньго. Однако без апелляции к раннеханьскому времени в поисках синтеза и оценок его результата обойтись нельзя. Дело в том, что процесс объективно вынужденного сближения обеих доктрин шёл в условиях, вызванных к жизни потребностями создания оптимально управляемой и стабильно существующей империи. Завершился он, как известно, в результате активной деятельности ханьского идеолога и четвертого великого конфуцианца древности Дун Чжун-шу, который во времена У-ди практически свел все концы с концами и заложил основы того принципиально нового конфуцианства, обогащенного элементами иных доктрин и прежде всего легизма, которое просуществовало в практически неизменном виде на протяжении двух с лишним тысячелетий, дожило до наших дней и сегодня оказывает существенное влияние на успешную трансформацию не только Китая, но и ряда иных дальневосточных стран конфуцианского цивилизационного круга, начиная с Японии.

Итак, первым и наиболее значимым для истории Китая было инкорпорирование ряда элементов легизма конфуцианством. Этот процесс протекал параллельно со сближением жесткого шаньяновского легизма с его системой наказаний, социальными рангами, круговой порукой, цензоратом и многими иными важными для империи нововведениями и шэньбухаевского искусства умелого управления (можно напомнить и о мягком легизме, представленном в ряде глав энциклопедии «Гуань-цзы», который тоже сыграл определенную роль в становлении основ китайской конфуцианской империи). Оба процесса шли в начале имперского периода в Цинь и с еще большей энергией при первой династии Хань.

Сближение, а фактически поглощение, одним учением другого было прежде всего результатом длительного процесса поиска с использованием подходящих элементов разных, в том числе вроде бы противостоящих друг другу доктрин. Практичность, прагматичность традиционного китайского ума выступает здесь весьма наглядно. Едва ли не первым это качество проявил Сюнь-цзы. Он хорошо знал ненависть Шан Яна к школе жу, но это его не смутило. Все лучшее, что, на его взгляд, принесли реформы Шан Яна отсталому и малонаселенному до того полуварварскому царству Цинь, он не только принял к сведению, но и воспринял как элемент собственной соответствующим образом обновленной интерпретации конфуцианства. Смысл такого рода интерпретации прост: добро должно быть с кулаками, иначе оно ничего не добьется. Отсюда и не раз упоминавшаяся его выдумка, будто бы так считал и Конфуций, который приказал по ничтожному поводу убить некоего шао-чжэна Мао.

Ученик Сюнь-цзы Хань Фэй-цзы продолжал поиск учителя, хотя обычно и не ссылался на него. Суть его поиска сводилась прежде всего к сближению легизма Шан Яна с учением

Шэнь Бу-хая. И хотя результат теоретических штудий кабинетного ученого, каким был Хань Фэй-цзы, лишь случайно стал известен императору Цинь Ши-хуану, идеи этого теоретика были востребованы, причем как в империи Цинь, так и на протяжении ряда правлений императоров первой династии Хань, вплоть до У-ди, когда процесс пришел к своему логическому концу. Конфуцианство заняло первое и более уже никем не ставившееся под сомнение место, а легизм Шан Яна и доктрина Шэнь Бу-хая (равно как и рекомендации авторов легистских глав «Гуань-цзы») вписались в его еще раз обновленную интерпретацию.

В заключение стоит заметить, что итогом данного процесса было исчезновение легизма как самостоятельной доктрины во всех его оттенках и вариантах. И хотя его идеи порой выдвигались в ходе политической борьбы в разные периоды истории Китая, они никогда не были попытками выступить с открытым забралом и противопоставить официальному государственному конфуцианству древний легизм. Обычно это было лишь стремлением напомнить об отдельных элементах легизма, которые в данный момент были забыты и использование которых могло бы принести пользу стране [10, p. 11].

Таким образом, можно видеть, что история конфуцианства тесно переплетена с историей Китая, простирающейся на протяжении тысячелетий. Это учение играло ключевую роль в формировании системы управления государством и обществом в Китае. В своей поздней модификации, известной в европейской литературе под названием «неоконфуцианство», оно окончательно определило традиционную культуру страны. До контакта с западными державами и западной цивилизацией Китай был преимущественно пропитан конфуцианской идеологией, которая пронизывала все сферы жизни китайского народа. Конфуцианство не только стало фундаментом для китайской системы ценностей, но и влияло на формирование повседневной жизни общества. Принципы этой философии проникали в образование, культуру, семейные отношения и даже взаимодействие между людьми. Важно отметить, что конфуцианская этика продолжает оставаться значимой для современного общества Китая, сохраняя свою актуальность и влияние. Неоконфуцианство, возникшее как эволюция идеи классического конфуцианства, привнесло новые аспекты и толкования в учение. Эта модификация сделала учение более доступным и применимым к современным реалиям, обогатив его новыми практическими применениями. Таким образом, конфуцианство продолжает оставаться важным элементом культурного и интеллектуального наследия Китая, играя ключевую роль в формировании менталитета и ценностей китайского народа.

Библиографический список:

1. Книга правителя области Шан (Shang Jun Shu). 2-е изд., дополнительный перевод из комплекта, вступительная статья, комментарий, послесловие Л.С. Переломова, Москва: Ладомир, 1993 (Памятники восточной письменности. XX). 392 с.
2. Хань Фэй-цзы. Избранные главы/ Перевод И. С. Лисевича // Древнекитайская философия. Том. 2. Москва, 1973 г.
3. Книга правителя области Шан (Шан Цзюнь Шу). 2-е изд., дополнительный перевод из комплекта, вступительная статья, комментарий, послесловие Л.С. Переломова, Москва: Ладомир, 1993 (Памятники восточной письменности. XX).
4. Переломов Л.С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221-202 гг. до н.э.). – М.: Восточная литература, 1962 г.
5. Сыма Цянь. Исторические заметки. Глава 6. Основные летописи первого императора династии Цинь переведены с китайского и снабжены комментариями Р.В. Вяткина и В.С. Таскина под общей редакцией Р.В. Вяткина. Изд. 2, переработанное и дополненное - М., Восточная литература, 2001- 2010
6. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства - М., Восточная литература, 1983

7. 7. Переломов Л.С. Конфуцианство и законничество в политической истории Китая. - Москва, 1981
8. Синицын Е.П. Бань Гу, историк древнего Китая // Академия наук СССР, Институт востоковедения, Москва, "Наука", 1975, 111 с.
9. Васильев Л.С. Древний Китай. Том 3: Период Чжанго (V—III вв. до н.э.). Москва, Издательство восточной литературы Российской академии наук, 2006, стр. 103-120
10. Переломов Л.С. Конфуцианство и законничество в политической истории Китая. - М., 1981. – с. 186-189
11. Дун Чжун-шу. Тянь жэнь сюань се (Три доклада о небесах и человеке)
12. Кроль Ю. Л. Конфуцианские и законнические концепции природы человека в "Янь дэ Луне". — В кн.: Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики. М., 1982, с. 69
13. А.В.Гордон. Трансформация конфуцианства в национальную религию современного Китая: взгляды Цзяна Цина. https://cyberleninka.ru/article/n/2017-01-019-021-politicheskoe-konfutsianstvo-v-sovremennom-kitae-svodnyy-referat/viewer (дата обращения 12.04 2024).

Сведения об авторе:

Кусакин Александр Павлович, магистр факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: 79066969801@yandex.ru

УДК 339.9

Д. В. Клименок

Деятельность Общества евангелизации Китая в 1852-1865 гг. в империи Цин

Аннотация: *Статья посвящена анализу деятельности организации "Общество евангелизации Китая" в империи Цин в середине XIX века. В исследовании рассматриваются создание, структура, развитие организации, ключевые цели, и результат деятельности общества евангелизации Китая в плоть до его расформирования в 1865 году.*
Ключевые слова: *церковь, христианство, евангелизация, общество, Китай, Цин, тайпинское восстание, Джеймс Хадсон Тейлор, Британская империя, Карл Гютцлаф, миссионер, протестантизм.*

Klimenok D.V. Activities of Chinese Evangelical Society in 1854-1865 in Qin Empire
Abstract: *The article is devoted to the analysis of the activities of the organization "Chinese Evangelisation Society" in the Qing Empire in the middle of the 19th century. This study examines the establishment, development of the organisation, the key goals and results of the activities of "Chinese Evangelisation Society" until it disbandment in 1865.*
Keywords: *church, christianity, evangelisation, society, China, Qin, Taiping rebellion, James Hudson Taylor, British Empire, Karl Gützlaf, missionary, protestantism.*

В середине XIX в., после поражения в опиумных войнах, империя Цин оказалась в полной власти Великих держав. Это облегчило задачу распространения христианства заинтересованным в этом организациям и лицам, так как для торговли были открыты пять портовых городов, а европейцы и американцы получили право создавать в них свои храмы, госпиталя и училища, ставшие рупором пропаганды христианства и символом власти колониальных властей. Религиозные миссии стали одной из основ колониальной политики великих держав: они первыми прощупывали почву для дальнейшей экспансии; а потому в их деятельность вкладывались немалые ресурсы, на основе миссий часто создавали важные общественные организации и институты, что является прямым следствием последовательной колониальной политики европейских стран в Китае по формированию устойчивых форм власти, подчинённых Европе. Особую роль в христианизации Китая и упрочнения колониальных связей стали играть протестантские церкви Британии, которые стали посылать множество миссионеров в Китай с целью обращения населения в новую веру.

К этому времени англиканская монополия на политические должности была прекращена, а потому места в правительстве могли занимать члены иных протестантских деноминаций [4, p. 2]. Такие как, например, евангелисты. Это движение вновь подчеркнуло пастырскую роль священнослужителей, где их внимание было сосредоточено на спасении отдельных душ, а также привнес новый акцент в британское христианство: иностранные миссии, спасение душ по всей Британской империи и за ее пределами. Евангелизм подтолкнул как англиканцев, так и нонконформистов к действию, и, хотя конфессии различались в своих подходах и по-разному реагировали на евангелизм, он был движущей силой почти всех британских миссионерских движений в девятнадцатом веке [3, p. 13]. К этому времени также стали популярны идеи священника-миссионера англиканской церкви и Церковного Миссионерского Общества Генри Венна, отстаивавшего автономию английских протестантских миссий и создание "туземных церквей" внутри англиканской церкви, но не с целью получения независимости от неё, а с целью облегчения нагрузки на церковный аппарат, не желавшего тратить ресурсы на распространение христианства в колониях. В таких реалиях была начата христианизация колониальных владений Британской империи.

Одним из столпов английской протестантской миссии стало Общество евангелизации Китая, восходящее к немецкому миссионеру-лютеранину Карлу Гюцлаффу, создавшему в

1844 г. Китайский союз – евангелическую протестантскую организацию, занимающуюся переводом священных текстов на китайский язык, созданием протестантских ячеек в Китае и подготовкой миссионеров из местного населения, которые, по мнению Гюцлаффа, лучше подходят для этого, нежели миссионер из Европы [6, p. 55].

В 1852 г. Китайский союз объединяется с Английским обществом поддержки миссионеров – Китайской Ассоциацией, возглавляемой главой журнала "The Chinese missionary gleaner" Ричардом Боллом, недавно принятым в Китайский союз [5, p. 274]. Китайская Ассоциация занималась наймом миссионеров и вопросами помощи миссиям за пределами Британской империи и в её зоне влияния, в 1852 г. она трансформируется в Общество Китая [5, p. 291], переименованное вскоре в Общество евангелизации Китая [13. p. 45] – протестантскую организацию, ставившую своей главной целью проповедь христианства и его распространение, но через специально обученных для этого миссионеров из Европы.

В создании общества огромную роль сыграл вышеупомянутый журнал, который стал регулярным действующим органом управления и новостного вещания Общества: журнал теперь не только освещал для читателей деятельность Общества в Китае, но и публиковал отчёты, объявления, указы, решения собиравшихся обществом комитетов, а Ричард Болл – глава журнала – стал постоянным членом Общества евангелизации Китая в качестве члена комитета.

Таким образом, формирование Общества евангелизации Китая связанно с поэтапным откалыванием от материнской организации, которая продолжала действовать отдельно как ни в чём ни бывало, несмотря на фактический раскол. Трудно сказать, какие конкретно были причины данного раскола: идеологические или материальные, но факт остаётся фактом – отныне в Лондоне существует осколок Китайского союза с противоречивыми тому принципами, но одинаковыми целями. Несмотря на это, Общество евангелизации Китая ещё некоторое время поддерживало связь с миссией Китайского союза.

Формальным жестом, означающим основание Общества, стал второй ежегодный отчёт Общества 1852 г. в журнале "The Chinese missionary Gleaner", в котором объявлялось о создании Общества евангелизации Китая и были расписаны цели, задачи, структура и организация Общества.

Цели Общества:

Распространение христианства протестантского толка не только в пределах пяти открытых городов, но и в более глубинных районах империи Цин [9, p. 91];

Создание образовательных организаций для местного китайского населения;

Для достижения данных целей Общество планировало создание миссионерских станций, то есть территориальных штабов [9, p. 91]; раздачу священных книг [9, p. 90], чему должна будет способствовать работа с местным населением: перевод священных текстов на китайский язык и его диалекты с помощью раннее обращенных местных жителей, устроенных в Общество в качестве книжников и читателей писаний [9, p. 91]; и распространение "Нового Завета" Карла Гюцлаффа. При этом, Общество считает, что передача данной работы миссионерам внутри Китая сэкономит средства Общества, так как данные операции как в Лондоне, так и в пяти торговых городах, довольно дорогие, что следует из отчёта Общества.

Для решения задачи образования местного населения подразумевалось обучение местных специалистов в качестве учителей в школах, медработников или ассистентов миссионеров, переводчиков и полноценных миссионеров-заместителей [9, p. 91]. Образовательные учреждения, в первую очередь медицинского типа, обязательно включали в себя интеграцию курсов закона божьего. Образование в том числе планировалось и для китайских женщин через женские и медицинские сообщества, которое должно было пошатнуть традиционные семейные ценности в Китае и расширить социальное пространство миссии [9, p. 90]. В основе

образовательной программы Общества лежит создание медицинских миссий, которые будут не только способствовать обращению населения, но и делиться с ним знаниями медицинских наук, помогать больным и раненным, предоставлять медицинские препараты, рецепты и инструменты и обучать медицинскому ремеслу на базе миссии, в том числе женщин [9, p. 91]. Все операции должны были проводится на базе недавно включённой в состав Общества евангелизации Китая другой организации: Китайской Ассоциации помощи и Медицинских Миссий в Шанхае, Сямыне, Гонконге и Кантоне.

Общество состоит из ежегодно избираемого Совета управления и ежегодно собираемого Генерального комитета [9, p. 92]. Совет управления занимается финансовыми делами организации и избирается из состава Генерального комитета, в котором должны состоять люди, имеющие крепкие связи с другими протестантскими деноминациями. Количество членов комитета – не более ста человек, а Совета управления – не более двадцати четырёх.

Также общество имело своего казначея и секретаря, которые по должности являются членами Совета управления.

Финансируется Общество за счёт подписок на издаваемый журнал и пожертвований; само Общество обязуется оказывать финансовую помощь всем нуждающимся миссионерам. При этом, общество является внеконфессиональным в рамках протестантизма и принимает в свои ряды как англикан, с которыми активно сотрудничает, так и членов других протестантских церквей, позиционируя себя в качестве некой объединяющей все протестантские деноминации силой [11, p. 1].

Общество начало готовится к своей миссии с большим рвением. Уже в июле 1852 г. Общество заняло помещение под номером 17 на площади Красного Льва в Лондоне, где обустроило три комнаты: под заседание комитета, под молитвенные мероприятия и под библиотеку, в которую начали свозить принадлежащие членам Общества книги о Китае и другие эпистолярные источники [11, p. 9].

В том же году Общество евангелизации Китая начало свою деятельность с распространения новостей о Китае, положении дел протестантских миссий в нём и пропаганды прозелитизма в своём журнале "The Chinese missionary gleaner". В данном журнале появились объявления о найме людей, готовых стать миссионерами и нести "слово Господне" в далёкой и незнакомой земле.

Однако пока у Общества не было своих активов в Китае, а потому оно спонсировало другие миссии, так как было озабочено количеством католических миссий, насчитывающих от двухсот до трёхсот миссионеров, когда как протестантских агентов было всего чуть меньше сотни и те не имели таких же привилегий, как католики, имеющие представительство не только на побережье Китая, но и во дворце императора. Общество евангелизации Китая планировало бороться с католическим присутствием, а потому заявило о своей готовности финансово поддерживать сразу несколько протестантских миссий: Базельскую мисиию, Рейнскую, Лондонскую, Моравскую [10, p. 96]. Например, Рейнская миссия, возглавляемая Рейнским Миссионерским Обществом [11, p. 2], получила финансирование, их показания печатали в "The Chinese missionary gleaner", им даже искали кандидатов на роль ассистентов, помощников, слуг (30 фунтов стерлингов за человека) [11, p. 25]. Помимо крупных миссий Общество поддерживало и независимых миссионеров: из Малайской школы миссионера Йохана Баусама по его просьбе забрали на обучение обращенных в христианство китайцев, готовых стать миссионерами на своей Родине [11, p. 90].

К 1853 г. Общество уже имело трёх кандидатов, проходивших подготовку в Лондоне на базе медицинских учреждений [11, p. 65].

В 1854 г. Обществом было решено поставить новые цели в своей программе. Формирование задач и целей проходили на фоне Тайпинского восстания, побудившего членов общества на миссию в Китай, и существующих договоров между Китаем и Британской империей, заключенных после поражения первого в опиумных войнах.

Во-первых, Тайпинское восстание виделось Обществу евангелизации Китая как "открытая дверь", через которую миссионеры смогут лучше работать, несмотря на всю нетерпимость к некитайцам и новый догмат о "втором Сыне", присущих восставшим. Общество евангелизации Китая видело в данном событии то, что Китай не может спасти себя сам от "идолопоклонничества", а потому ему необходимы наставники, которыми должны стать английские миссионеры [1 p. 11]. Некоторые члены Общества евангелизации Китая даже призывали помогать тайпинам в борьбе, так как считали, что тех будет легче обратить в истинное христианство, чем боровшихся с христианством конфуцианцев и буддистов.

Во-вторых, секретарем общества евангелизации Китая Чарльзом Бёрдом была выдвинута претензия в адрес бывшего официального представителя британской короны в Китае и губернатора Гонконга Генри Поттинджера из-за отсутствия привилегий у членов миссии на территории Шанхая по Нанкинскому договору: члены миссии не могли занимать здания под свои нужды и свободно пребывать в порту, если они не являются подданными короны, что члены общества евангелизации Китая сочли упущенной возможностью для Британии и христианства в частности [1, p. 4]. Ещё большее разочарование вызвало у общества евангелизации Китая тот факт, что католическая Франция учла в своих договорах интересы церкви: разрешение на миссию и крещение китайского населения, хоть формально это трактовалось как вольное обращение в христианство, что не запрещалось законом в Цин; когда как Британская сторона отстаивала лишь экономические интересы [1, p. 5]. Так или иначе, но благодаря ошибке французского дипломата Теодора де Лагрена даже подданные британской короны получили возможность создавать храмы, однако это вызывало конкуренцию.

В связи с этим Общество евангелизации Китая выражало надежду на то, что в следующий раз правительство Британской империи учтет интересы "верующих" и, видимо, через свои связи с англиканской церковью старалось лоббировать пересмотр договоров с Китаем [1, p. 12], чтобы тот дозволил нести "Божье слово" в любой части Китая. Общество евангелизации Китая также заявило о необходимости подготовится к интервенции "других держав", подразумевая под этим новые католические миссии.

Таким образом, Общество евангелизации Китая ставило перед собой две цели: распространение христианства в Китае ради его спасения и борьбу с влиянием конкурентов, под которыми главным образом подразумевались католики. К тому же, само Общество прямо заявляло о своей принадлежности именно к Британской империи и поддержке её интересов. Это ярко показывает, что Общество действовало в интересах Британской империи, а потому его деятельность можно рассматривать в рамках Британской колониальной политики в аспекте идеи Венна о "туземных церквях". И это будет верно, учитывая тот факт, что колониальные власти вкладывали деньги в миссионерские организации, которые создавали госпитали и школы, действуя в рамках политики, которую можно было бы охарактеризовать как "христианство через письмена", гарантирующей появление в подконтрольных Британии территориях империи Цин современных медицинских и образовательных учреждений, выпускающих специалистов для обслуживания необходимой инфраструктуры, что облегчило бы бремя колониальной администрации по дальнейшему развитию региона, а также могло воспитать лояльный британской короне народ и помочь колониальной администрации контролировать сферу общественных и частных интересов [7, p. 92]. При этом, некоторые губернаторы территорий,

например, Поттинджер в Гонконге, прямым текстом заявляли о необходимости крещения местного населения, на что выделял средства из казны [7, p. 93].

Для осуществления задуманного, общество продолжило набирать кандидатов на роль миссионера в Китае, что следует из четвертого ежегодного отчёта 1854 года [12]: была создана особая процедура отбора будущих членов миссии, включающая в себя испытания и обследования со стороны совета Общества евангелизации Китая и врача. Кандидат также должен был освидетельствовать о своём мировоззрении в устной и письменной форме, ответить на некоторые вопросы совета Общества евангелизации Китая и убедить тех в том, что не ожидает вознаграждения за свой труд.

Из-за нехватки людей с высоким образованием Общество евангелизации Китая было вынужденно принять критерии в виде базового знания письма и грамматики, а также знании священных текстов и медицины [12].

Одним из первых миссионеров Общества евангелизации Китая стал член Рейнского Миссионерского Общества Вильгельм Лобшейд, которому Общество всячески покровительствовало [6, p. 184]. Его зоной операции стало пространство от Гонконга до Кантона и их окрестности. Во время его работы на Общество колониальные власти Гонконга намеревались с санкции Британских властей создать систему образования, которая была бы актуальная для данного региона и приносила бы плоды обществу и колониальному управлению [7, p. 90]. Губернатор Джон Бауринг создал школы для китайцев и школьную инспекцию [7, p. 91], ещё до этого в Гонконге обосновались такие миссионерские организации как образовательное общество Моррисона, англиканская церковь, католическая церковь, китайский союз, создавшие несколько школ. Большинство духовенства считало, что предоставление образования является инструментом распространения христианства. Они стремились проповедовать христианство и обучать китайских священнослужителей. Поскольку в миссионерских школах преподавание велось на английском и китайском языках, учеников обучали чтению и сочинению на английском, триметрической классической арифметике и книге "Тысяча иероглифов" на китайском языке. Западное знание арифметики, истории и географии сочеталось с библейским знанием. С 1852 по 1854 гг. Лобшейд посещал различные школы, контролировал работу китайских учителей и пытался обеспечить эффективность работы по образованию среди китайцев. В его прямые обязанности также входило обеспечить постоянную работу церкви Артура Тейлора – другого агента Общества евангелизации Китая. Вместе с ним Лобшейд обеспечивал работу церкви и помогал с переводом Нового Завета на китайский язык, в основе которого лежал проект Гюцлаффа по печати его редакции перевода Библии Медхерста на разговорный китайский язык, для чего Общество евангелизации Китая выделило тому тридцать человек для работы в печатном цеху. Лобшейд также пошел, несмотря на запрет китайских властей и хаос гражданской войны, в глубь китайских земель с целью обращения населения с группой протестантов из других миссионерских организаций, с которыми Общество поддерживало тесные связи. Помимо этого, он занимался врачеванием, что полностью входило в рамки Медицинских миссий [11, p. 6] Общества евангелизации Китая. В ходе своей медицинской миссии Лобшейд создал несколько общин верующих общим числом в 220 человек. Он написал несколько работ, посвященных Китаю и опубликованных обществом, среди которых "General Discourse on False Doctrines" - трактат, посвященный "ошибкам" католической церкви и буддистской веры. В его же деятельность до момента выхода из Общества в 1857 г. входило: создание госпиталей, школ, распространение Писания в ходе своей миссии (1000 книг за год [11, p. 45]). К тому же, есть свидетельства того, что его жена на деньги Общества была привезена в Гонконг вместе с членами Базельского общества в рамках миссии по созданию женских школ, в которых для лучшего восприятия и принятия образования и христианских догматов в качестве

учителей выступали женщины-миссионеры [11, p. 34]. Когда Лобшейд вышел из общества в 1857 году, он был назначен главой комитета образования Гонконга, где продолжил свою миссионерскую деятельность [7, p. 100]. Хотя Лобшейд и считал, что служит лишь Господу, а не британской короне, в последствие он способствовал открытию китайских школ на деньги губернатора Гонконга и Общества евангелизации Китая, а также созданию институтов образования в Гонконге, что позволяло протестантизму пустить корни в Гонконге и обеспечить лояльность населения Британским властям.

Первым же полноценным миссионером Общества евангелизации Китая стал Джеймс Хадсон Тейлор [8, p. 33], который 19 сентября 1853 г. поспешно, не окончив миссионерского обучения, отплыл из Ливерпуля и 1 марта 1854 г. прибыл в Шанхай [2, p. 11]. Жизнь Тейлора в рассматриваемый в статье период очень хорошо и подробно задокументирована, что можно написать отдельную статью только про него, однако необходимо указать суть его пребывания в Китае с акцентом на цели данного исследования. Прибыв в Шанхай, Тейлор оказался в положении "потерявшегося", так как все, кто должен был представить Тейлору его работу, скоропостижно скончались перед его прибытием [8, p. 46]. Несмотря на это, ему всё же удалось приступить к своим обязанностям на базе Лондонского Миссионерского Общества, которое координировало свои действия с Обществом евангелизации Китая. В рамках данного сотрудничества Тейлор проповедовал в соседних с поселением европейцев районах и оказывал медицинскую помощь больным и пострадавшим от уличных боёв между движением Тайпинов, бандами и имперскими войсками, а также пострадавшим от бомбардировок [8, p. 46]. Основным методом обращения населения для Тейлора стала раздача священных текстов во время службы. Вскоре в Шанхае им была организована дневная школа, в которой преподавалось богословие и медицинские курсы [13, p. 77]. Испытывая сложности в распространении религии из-за недовольных масс и царящей кругом атмосферы ненависти к иностранцам, Тейлору всё же удалось на время добиться протекции от местного чиновника империи Цинь. В 1855 г. Тейлору удалось расширить миссию в окрестных территориях: острове Чунминдао, провинции Цзянсу и Чжэцзян [8, p. 58], но приходилось зачастую использовать китайскую одежду для отвода глаз ненавистников христиан и для большего внушения. Вскоре он организовал в городе Нинбо с его коллегой Уильямом Паркером госпиталь, ставший постоянной базой операции для Общества и одним из наиболее успешных проектов медицинских миссий. За всё время пребывания в Китае Тейлор сотрудничал с такими протестантскими организациями как: английское пресвитерианское общество, американское пресвитерианское общество, базельское общество, лондонское миссионерское общество, американский пресвитерианский союз. Действуя почти в одиночку и без должного снабжения Тейлор вскоре покинул Общество евангелизации Китая, так как оно задерживало или вовсе не выплачивало тому деньги, из-за чего многие миссионеры Общества оказывались в состоянии бедности [2, p. 16]. Для сравнения, миссионеры, служившие в то время в других обществах в Шанхае, получали необходимые для службы деньги в три раза больше (как минимум 300 фунтов стерлингов), помимо оплаты расходов на аренду, медицинское обслуживание, найм учителя китайского языка и книги [13, p. 69].

Деятельность Тейлора показывает несколько иную картину миссии, нежели Лобшейда: Тейлор занимался проповедями среди народа, когда Лобшейд старался держаться уже созданных в Китае школ с иностранным или местным обращенным в христианство персоналом. Однако оба полагались на другие протестантские миссии, что говорит не только о тотальной кооперации данных организаций, но и о том факте, что Общество евангелизации Китая зачастую оказывалось в долгах, а потому было не способно поддерживать миссии независимо от спонсоров [2, p. 16].

Также есть сведения о других миссионерах:

Джон Джонс, который в 1825 г. и стал членом христианского сообщества, известного как Плимутские братья [6, 240]. Он был назначен миссионером Обществом евангелизации Китая с 1855 года [6, 240]. Он прибыл в Гонконг весной 1856 г., где оставался несколько месяцев, и прибыл в Шанхай в августе [6, 240]. После короткого визита в Нинбо с Тейлором он вернулся в Шанхай в конце сентября и переехал в Нинбо со своей семьей в следующем месяце. За исключением временного отсутствия в Шанхае весной 1857 г. из-за предполагаемых беспорядков с туземцами, он оставался на вверенной ему территории в Шанхае до тех пор, пока его здоровье не ухудшилось.

Чарльз Холл, член баптистского корпуса в Англии, который связался с Обществом евангелизации Китая в 1855 году и под её патронажем прошел медицинские курсы в Лондоне [6, p. 246]. Изучив практику служения, он был рукоположен в священный сан и назначен миссионером в Китай. Достигнув Шанхай 8 июня 1857 г., он направился в Нинбо 20-го числа. Прожив там около двух, он вновь возвращается в Шанхай, где вскоре связался с Английским обществом баптистских миссионеров. В 1861 году они отправились в город Янтай провинции Шаньдун, где он начал миссию [6, p. 246].

Уильям Паркер, имевший медицинское образование, после нескольких лет практики в Англии был назначен медицинским миссионером в Китай Обществом евангелизации Китая [6, p. 232]. 6 июня 1854 г. он покинул Ливерпуль и прибыл в Шанхай 27 ноября. Там он оставался до ноября 1855 года, когда он переехал в Нинбо и основал миссионерский госпиталь в этом городе [6, p. 232]. Покинув Нинбо вскоре после этого, он отправился в Шанхай, а затем со своей семьей в Англию. В 1862 г. он прибывает, откуда вскоре направляется в Нинбо, где возобновляет свою работу среди китайцев [6, p. 232]. В январе 1863 г. погиб из-за обрушения моста.

Как можно заметить, сведения о позднем периоде деятельности Общества евангелизации Китая обрывочны, что вызывает потребность изучить данный период в будущем.

С подписанием Тяньцзиньского трактата 1858 г. и Пекинской конвенции 1860 г. миссионеры всех конфессий теперь могли свободно проповедовать свою религию, а не только в первоначальных пяти договорных портах, которые им предоставил Нанкинский договор 1842 года, что, однако, никак не помогло Обществу евангелизации Китая.

В 1865 г. Общество евангелизации Китая окончательно закрылось, а принадлежащие ему учреждения, такие как госпитали, школы и типографии были либо закрыты, либо переданы или выкуплены другими протестантскими миссиями для своих нужд. Причинами закрытия Общества стало несколько факторов:

Во-первых, постоянные финансовые проблемы, вынуждающие миссионеров работать с другими миссиями или вовсе покинуть Общество евангелизации Китая, что и произошло в 1857 г., приведшее к фактическому расколу Общества [2, p. 16]. Проект Общества евангелизации Китая как некой внеконфессиональной, объединяющей все, в первую очередь английские, протестантские миссии оказался недальновидным и неудачным.

Во-вторых, фактически Общество евангелизации Китая и его ежемесячное издание "The Gleaner" были не так влиятельны, как другие миссии, что выражалось в уже упомянутой зависимости от других миссионерских организаций в Китае и что делало Общество аутсайдерами среди других протестантских миссий, а созданные Обществом евангелизации Китая учреждения в итоге почти полностью поглощались другими протестантскими организациями [13, p. 71].

В-третьих, многие миссионеры Общества оказались некомпетентны в рамках миссионерской деятельности, так как многие из них не имели должного теологического или

церковного образования, а миссионерское обучение, спонсируемое Обществом, могло быть пропущено кандидатом Общества либо по собственному желанию (как это сделал Джеймс Хадсон, заверив совет Общества в своих проповеднических способностях), либо из-за нужды как можно скорее доставить агента Общества в Китай [13, p. 71]. В следствие этого миссионеры часто попадали в ситуацию, когда обращение не имело результата, а "обращенное" местное население на самом деле приходило лишь за тем, чтобы получить от миссионеров определенные блага: металлические нательные кресты, еду, медицинскую помощь.

В-четвертых, в некоторых городах, например, в Гонконге Комитет по образованию, ставший с 1860 г. Советом по образованию, был освобожден от влияния клира: с санкции колониальных властей начали закрывать многие миссионерские школы и открывать "государственные" под прямым управлением колониальной администрации, что говорило о начале соперничества между колониальными властями и протестантскими миссионерами-евангелистами в сфере образования, что только усугубляло ситуацию [7 p. 101].

Итак, к результатам деятельности Общества евангелизации Китая можно назвать работу по следующим направлениям: миссии в сфере медицины и образования, включающие в себя создание части госпиталей и школ в Шанхае, Нинбо, Гонконге, Кантоне и Шаньдуне, а также местных протестантских общин и принятие участия в формировании институтов образования в Гонконге, что является значительным вкладом в работу колониального аппарата Британской империи в Китае. Среди самых результативных инициатив Общества стоит выделить медицинские миссии, оказавшие наибольшее влияние как на эффективность обращения местного населения, так и на создание современных медицинских учреждений в Китае в пяти торговых городах и за их пределами в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, хоть и в ограниченном количестве; а также перевод и раздача священных христианских книг, обеспечивающее циркуляцию книг многотысячными тиражами среди Китайцев в прибрежных городах колониальной администрации.

Таким образом, следуя из анализа деятельности Общества, вырисовывается картина вроде как очень многообещающего проекта под названием Общество евангелизации Китая, который должен был стать некой общей площадкой для протестантских миссий, так как делал всё то же самое, что и они, но являлся внеконфесиональным, спонсирующим все другие миссии, проектом с ориентиром на Британские интересы в регионе и с чётко выраженными целями: проповедь в Китае любой ценой. Однако данный проект растворился среди других организаций из-за своих непомерных амбиций и малого бюджета, что, несмотря на довольно успешные мероприятия по созданию образовательных, медицинских учреждений и масштабное книгопечатание в сотрудничестве с другими миссиями, и послужило основной причиной его закрытия.

Библиографический список:

1. Bird C.Treaties with China. London. 1854. – 13 p.
2. Broomhall M. The Jubilee Story of the China Inland Mission: With Portraits, Illustrations & Maps. London. 1915. – 200 p.
3. Haig. A. The Victorian Clergy. London. Croom Helm. 1984. – 110 p.
4. Knight. F. Nineteenth Century Church and English Society. New York. Cambridge University Press. 1995. – 134 p.
5. Lutz J. G. and Lutz R. R. Karl Gützlaff's Approach to Indigenization: The Chinese Union // Bays D.H. Christianity in China: From the Eighteenth Century to the Present. Palo Alto. Stanford University Press. 1999. – 90 p.

6. Memorials of Protestant missionaries to the Chinese: giving a list of their publications, and obituary notices of the deceased. Shanghai. American Presbyterian Press. 1867. – 60 p.
7. Steven Chung Fun Hung. Public education establishment in the earliest colonial period of Hong Kong: a historical re-constructivist explanation. 2014. – 20 p.
8. Taylor J. Hudson. A retrospect. Toronto. Knox College Toronto. 1902. – 120 p.
9. The Second Annual Report of the Chinese Evangelization Society // The Chinese and general missionary gleaner. V. 1. Partridge & Oakey. 1851. – 91 p.
10. The Chinese and general missionary gleaner. V. 1. Partridge & Oakey. 1851. – 90 p.
11. The Chinese and general missionary gleaner. V. 2. Partridge & Oakey. 1852. – 90 p.
12. The Fourth Annual Report of the Chinese Evangelization Society. London. 1854.
13. Christie. V. Hudson Taylor: Gospel Pioneer to China. P&R Publishing. 2011. – 120 p.

Сведения об авторе:
Клименок Денис Витальевич, магистрант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им.акад. И.Г. Петровского, e-mail: pluton3232@gmail.com

ИСТОРИОГРАФИЯ

УДК 930.2

А. А. Карпухин

Историография археологических исследований Брянского региона в XIX в.

Аннотация: *В данном исследовании рассматривается история археологических изысканий на территории современной Брянской области на протяжении XIX в. Обобщается деятельность отечественных исследователей, изучавших археологические памятники данного региона, начиная с первых упоминаний в работах таких историков, как Н.М. Карамзин. Статья направлена на выявление ключевых аспектов, формировавших историческую память и научное осмысление прошлого Брянщины в контексте более широких исторических и культурных процессов в России. Основная часть включает детализированное освещение ключевых персонажей и этапов археологических исследований. Рассматриваются усилия таких учёных, как Д.Я. Самоквасов, который провёл значительное количество раскопок и составил первую классификацию археологических культур, и П.М. Ерёменко, который организовал профессиональные раскопки и обобщил полученные данные. Заключение подчёркивает научную значимость работы, чтобы создать полное представление о развитии археологии в Брянском регионе до начала XX в. Статья демонстрирует важность архивных и археологических исследований для формирования современного понимания историко-культурного наследия России, а также служит основой для будущих исследований и сохранения археологических памятников.*

Ключевые слова: *археология, раскопки, Брянский регион, село Вщиж, Д.Я. Самоквасов, П.М. Ерёменко.*

Karpukhin A.A. Historiography of archaeological research in the Bryansk region in the 19th century

Abstract: *This study examines the history of archaeological research in the territory of the modern Bryansk region during the 19th century. The article summarizes the activities of Russian researchers who have studied the archaeological sites of this region, starting with the first mentions in the works of historians such as N.M. Karamzin. The article aims to identify the key aspects that shaped the historical memory and scientific understanding of the Bryansk region's past in the context of broader historical and cultural processes in Russia. The main part includes detailed coverage of key characters and stages of archaeological research. The efforts of scientists such as D.Ya. Samokvasov, who conducted a significant number of excavations and compiled the first classification of archaeological cultures, and P.M. Eremenko, who organized professional excavations and summarized the data obtained, are considered. The conclusion underlines the scientific significance of the work in order to create a complete picture of the development of archeology in the Bryansk region before the beginning of the 20th century. The article demonstrates the importance of archival and archaeological research for the formation of a modern understanding of the historical and cultural heritage of Russia, and also serves as a basis for future research and preservation of archaeological sites.*

Keywords: *archeology, excavations, Bryansk region, village of Vshchizh, D.Ya. Samokvasov, P.M. Eremenko.*

Исследование археологических памятников, находящихся на территории современной Брянской области (территория которой до 1920-х гг. частично входила в состав Орловской и Черниговской губерний), находило отражение в работах ряда авторов. Однако традиционно внимание уделялось лишь истории изучения отдельных объектов или деятельности конкретных археологов. В данной статье будет предпринята попытка обобщить историю археологических исследований Брянского региона отечественными учёными до начала XX в.

Ещё в начале XIX в. выдающийся историк Н.М. Карамзин упоминал о памятниках археологии в Брянском регионе. «Он знал о существовании древнерусского города Вщиж по летописям. Впервые Вщиж упоминается в Ипатьевском списке под 1142 г.: Всеволод Ольгович,

ставший киевским князем, передал городки и селища по Десне, включая Вщиж, своему родственнику Владимиру Давидовичу» [11, с. 153-181]. Первые сведения об археологических памятниках на данной территории Карамзин получил от владельца села Вщиж Брянского уезда Орловской губернии, помещика и гвардии штабс-капитана М.Н. Зиновьева, которые были опубликованы в главном труде учёного «История Государства Российского» [5, С.342]. В окрестностях села были замечены следы земляных укреплений, большие гранитные кресты и множество курганов, один из которых в самом селе был заполнен старинными кирпичами.

Впоследствии, в 1840-х гг. дочь М.Н. Зиновьева – В.М. Зиновьева-Фомина, вместе со священником села Вщиж Н. Митропольским и своим мужем, генерал-майором М.М. Фоминым, проводит первые любительские раскопки древнерусского поселения во Вщиже и нескольких курганов. «В ходе этих работ были обнаружены остатки каменного храма XII в., под которым находились останки десятков вщижан и церковная утварь» [6, с. 40-65]. В 60-е гг. XIX в. часть находок из раскопок церкви была передана М.М. Фоминым в Московское археологическое общество, а позже – в Государственный исторический музей в Москве [7, 154-167]. Первая статья, посвящённая раскопкам и обнаруженным древностям и озаглавленная «Село Вщиж», была подготовлена петербургским журналистом И. Поляновским, а первое научное сообщение о находках сделал искусствовед и археолог И.М. Снегирёв в 1850 г. Известно, что в 1866 г. Зиновьева-Фомина обращалась к императору Александру II с просьбой о «возобновлении древней церкви во Вщиже или о построении новой по добровольной подписке».

Полноценные же археологические изыскания на территории современной Брянской области фактически начинаются лишь во второй половине XIX в. При этом основное внимание стало уделяться изучению древнерусских городищ и курганов.

В 1870-х гг. полевые исследования на Брянщине проводил отечественный археолог Д.Я. Самоквасов (1843-1911 гг.). В 1868 г. после окончания Юридического факультета Петербургского университета он получает степень кандидата прав, оставшись стипендиатом при кафедре Истории русского права. С конца 1860-х гг. Самоквасов увлёкся археологией, решив посвятить свою жизнь исследованиям в этой области. Основным предметом его интереса была история древних славян. В 1872 г. он начал реализацию масштабного проекта по изучению древностей северян, расселившихся в бассейне рек Десна, Сейм и Сула. В 1875 г. сам учёный писал, что «первоначально планировалось исследование одной или двух курганных групп, расположенных вблизи древних городищ, в каждом уезде «Северянской земли». Однако на практике это оказалось весьма затруднительно, так как встречались могильники с несколькими сотнями курганов». Кроме того, изучались сохранившиеся городища восточнославянских племён северян, проживавших на территории современных Гомельской, Черниговской, Сумской, Полтавской, Харьковской, Белгородской, Курской, Брянской и Орловской областей. Так, в Стародубском уезде Черниговской губернии, Самоквасов обнаружил курганные группы в селе Мереновка, в урочище «Жабнина Лужа», и урочище «Заречье», в окрестностях села Левенка.

Своё собрание древностей Д.Я. Самоквасов демонстрировал на всероссийских археологических съездах, Всемирной выставке 1873 г. в Париже, Антропологической выставке в 1879 г. в Москве. По некоторым сведениям, Британский музей планировал приобрести коллекцию Самоквасова, однако Дмитрий Яковлевич в 1891 г. передал всё своё собрание безвозмездно в Императорский Российский Исторический музей на вечное хранение, так как считал, что древности своей родины нельзя передавать за границу» [1].

Д.Я. Самоквасов создаёт свой вариант классификации-хронологии археологических культур, пишет ряд научных трудов, в числе которых диссертация «Древние города России». В ходе её подготовки учёным была составлена специальная археологическая анкета из 12

пунктов. Она предусматривала подробное описание заметных археологических памятников: городищ с валами и рвами, больших и малых, одиночных и группами расположенных курганов. С идеей поиска археологических памятников в масштабах всей страны Самоквасов обратился к известному географу, путешественнику, государственному и общественному деятелю, руководителю центрального статистического комитета МВД П.П. Семёнову Тянь-Шанскому, который поддержал эту идею. Центральный статистический комитет МВД разослал самоквасовскую анкету-вопросник по более чем 50-ти губерниям. В ходе реализации этого проекта были созданы довольно подробные перечни городищ и курганов по большинству регионов страны. Позже выходит подробное исследование «Северянская земля и северяне по городищам и могилам». С археологической деятельностью Д.Я. Самоквасова была тесно связана и архивная работа. В 1892 г. Д.Я. Самоквасов получил назначение на вакантный пост управляющего Московским архивом Министерства юстиции (МАМЮ), крупнейшего в стране хранилища древних актов и рукописей.

Возможно, что труды Самоквасова в изучении городищ и курганов оказали заметное влияние на исследования А.С. Уварова (1824-1884 гг.). По крайней мере, уже в одной из первых своих археологических работ 1872 г., он призывал приступить к изучению «…древних земляных насыпей, со средствами, систематически, по определённому плану» [2, с. 74]. Позднее, по инициативе археолога Н.П. Горожанского начинается систематический сбор сведений о памятниках Орловской губернии. На долгие годы его работа становится руководством по изучения древностей центрального региона России. Позднее, похожее, но более подробное описание было подготовлено и А.С. Уваровым.

Примерно в эти же годы работу по сбору, редактированию и публикации перечня археологических памятников на территории Орловской губернии проводил старший чиновник для особых поручений при орловском губернаторе А.Г. Пупарев (1823-1895 гг.). По долгу службы Аркадий Гаврилович редактировал «Орловские губернские ведомости», где был краеведческий раздел. Подготовленное Описание некоторых памятников региона сопровождалось информацией о народных преданиях и легендах, связанными с ними. В 1877 г. Пупаревым была опубликована статья «Древние городища и курганы в Орловской губернии» в сборнике «Материалы для истории и статистики Орловской губернии» [8, с. 22], куда вошли данные об исторических древностях северной части территории современной Брянской области, входившей в состав Орловской и Смоленской губерний Российской империи. Всего в пределах губернии было выявлено около 700 археологических памятников: 72 городища, остальные курганы. Наибольшее количество памятников, более 350, приходилось на территорию Брянского уезда. В основном это были курганы и 15 городищ: на реке Сериже – Домашово, Дарковичи; на реке Болва – Шибенец; на реке Сенна – Дорожово; на реке Надва – Акуличи – 1, Акуличи-2, Надва и др. Отмечалось, что на городище Шибенец кладоискателями были найдены «принадлежности вооружения и человеческие кости необыкновенной величины». В Карачевском уезде было обнаружено 19 памятников (из них 7 городищ: на реке Городеченке – Кольцов Завод, на реке Ревна – Водоцкое, Старые Рядовичи, Сомово, Приютовка, Гощь, а также городище Хотимль). В Севском уезде было выявлено 15 памятников (в том числе 9 городищ). В Трубчевском уезде насчитали 86 памятников (14 городищ).

Кроме того, Пупарев отмечал, что среди памятников в окрестностях Вщижа «по левую сторону оврага Судока есть возвышенная местность, обнесённая валом, которая также называется городцом» [9, с. 83]. Часть исследователей считает, что под этим описанием имелась в виду Благовещенская гора – городище раннего железного века, впоследствии исследованное Б.А. Рыбаковым. Однако существует предположение, что в данном случае мы имеем дело с первым упоминанием в архивных источниках городища в урочище «Городец» (Вщиж-4).

Позднее, «председатель Орловского церковного историко-археологического общества И.Е. Евсеев провёл довольно значительные раскопки, как на самом городище, так и в его окрестностях, и составил первую карту-схему расположения археологических памятников села Вщиж. Там впервые было локализовано на местности городище в урочище «Городец» (Вщиж-4). В частности, И.Е. Евсеев отмечал: «Укрепление города не ограничивалось одними рвом и валом. За городским рвом идёт природное укрепление: проток Судок, ныне шириною около 10 саженей, а за ним приспособленное к укреплению естественное возвышение» [6, с. 40-65].

В 1884 г. создаётся первое в России научное историческое и краеведческое общество – Орловская учёная архивная комиссия. Она занималась изучением архивов местных учреждений, осуществляла сбор наиболее интересных документов, проводила археологические раскопки. Ежегодно начинает издаваться специализированный сборник под названием «Труды Орловской учёной архивной комиссии». В 1894 г. комиссия принимает решение о составлении на основе работы Пупарева археологической карты Орловской губернии. К ноябрю 1902 г. работа по составлению археологической карты Орловской губернии была завершена. Работа над проектом проводилась под руководством председателя Орловской учёной архивной комиссии, краеведа и археолога, генерал-лейтенанта в отставке А.Н. Шульгина, на карту было нанесено порядка 500 археологических памятников. В настоящее время документ хранится в Орловском областном краеведческом музее.

Примерно в те же годы начались первые попытки археологических исследований на месте Чашина кургана. В 1893 г. в Императорскую археологическую комиссию поступило обращение крестьянина Ивана Морозова, просившего «разрешить ему раскопки в с. Городище Брянского уезда, прежде остановленные становым приставом». Археологическая комиссия в итоге отказала ему, утверждая, что это место может оказаться не курганом, как следовало из его названия, а насыпью «совсем другого назначения». Изучить место раскопок поручили членам Орловской учёной архивной комиссии, штабс-капитану в отставке Ф. Ф. Похвалинскому и преподавателю В.А. Казанскому. В начале мая 1894г. они выехали в Брянский уезд. По результатам осмотра исследователи пришли к выводу, что вопреки народному названию, Чашин курган – это древнее городище, которое при дальнейших исследованиях «даст немало археологических сокровищ» [5, с. 51]. Удалось установить, что поселение на Чашином кургане достигло расцвета к началу XII в., город состоял из детинца и обширного посада, где существовали различные ремёсла и торговля.

В конце XIX в. исследователь П.М. Ерёменко (1860-1926 гг.) одним из первых провёл археологические раскопки древних курганов и городищ, относящихся к славянским племенам на территории Могилёвской, Черниговской, Орловкой и Полтавской губерний, внеся, в том числе заметный вклад в развитие археологии Брянского края.

П.М. Ерёменко родился в Дунайской слободке Глуховского уезда Черниговской губернии. После окончания Глуховской прогимназии он уезжает в Киев, где, желая продолжить своё обучение поступает в Коллегию Павла Галагана. Начиная с 1881 г. он продолжает учёбу на историко-филологическом факультете Киевского университета. После получения диплома, Ерёменко в 1887 г. приезжает в Новозыбков, где начинает преподавать историю и географию в реальном училище и местной женской гимназии. Впоследствии он был избран членом попечительского совета гимназии и ходатайствовал перед местными властями об организации в Новозыбкове первого общедоступного музея.

Ерёменко одним их первых на профессиональном уровне провёл археологические раскопки древних городищ и курганов славянских племён на территориях Черниговской, Полтавской, Могилёвской и Орловской губернии. В частности, в 1891–1894 гг. были проведены раскопки в 15 курганных группах Суражского уезда. Исследовались 160 курганов,

расположенных в населённых пунктах, таких как Высокое, Влазовичи, Ляличи, Казаричи и Голубовка. В трёх из этих курганов были обнаружены признаки обряда кремации. В 1896 г. П.М. Ерёменко провёл полевые исследования на территориях Брянского (в бассейне реки Десны), а также Елецкого уездов Орловской губернии и Новозыбковского уезда Черниговской губернии.

В Брянском уезде им были исследованы 36 курганов и 6 могильников. «Было установлено, что основная масса курганов расположена в бассейнах рек Снови и Ипути». «Желая привести в известность, по возможности все сохранившиеся от разрушения могильники и городища и выяснить распределение их меж бассейнами р. Снови, впадающей в северянскую Десну, и р. Ипути, впадающей в радмичскую Сож, я должен был исходить и изъездить почти весь уезд…» – писал учёный, отмечая, что «всего курганов в Новозыбковском у. известно уже более 1,800» [3, с. 9]. Результаты проведённых исследований были «обобщены и переданы в Императорскую археологическую комиссию» [10, с. 130-136].

Проделанная им работа по созданию коллекций древностей, усилия, предпринятые по организации в Новозыбкове общедоступного музея, библиотеки и научного отдела при школе благотворительного общества и публикация результатов археологических изысканий способствовали пополнению исторических знаний, развитию краеведения и региональной археологии.

Библиографический список

1. В едином славянском мире. Дмитрий Яковлевич Самоквасов День дружбы и единения славян, отмечаемый 25 июня 2020 года. // Государственное казённое учреждение Брянской области Государственный Архив Брянской области URL: https://old.archive-bryansk.ru/node/641 (дата обращения: 06.02.2025).
2. Голотвин А.Н. Д.Я. Самоквасов и изучение славяно-русских древностей. – Воронеж: Научная книга, 2014. – 196 с.
3. Дудников А.П. Археолог-исследователь, герой труда // Брянская учительская газета. – 2021. – 16.07.2021. – Ст. 9
4. Записки Императорского Русского Археологического Общества. Новая серия/ Императорское Русское Археологическое Общество. – 1886 –1902. Т. 8, вып. 1 - 2: Труды Отделения Русской и Славянской Археологии, кн. 1 (1895 год). – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1896. – 312 с.: табл., ил.
5. Краснощекова С. Д. Археология Орловской области / С. Д. Краснощекова, Л. Н. Красницкий. – Орел: Вешние воды, 2006. – 318 с., [1] с., [1] л. портр. ил., портр.; 20.
6. Миненко В.В., Разумов И.Н., Сироштан И.И. Забытое городище «Вщиж-4» («Городец») // Вщижское княжество – Овстугская волость. – Брянск: Брянское региональное отделение ВОО «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры». – Брянск: ООО «Аверс», 2023. – С. 40-65.
7. Поляков Г.П., Миненко В.В. Каменные кресты Вщижского курганного некрополя в урочище «Кальница» / / Деснинские древности. Сборник материалов межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М. Заверняева. Брянск: Издательство Клинцовской городской типографии, 2004. – С. 154- 167.
8. Пупарев А.Г/ Материалы для истории и статистики Орловской губернии / / Собр. секр. Орлов. губ. стат. ком. А. Пупаревым. Т. 1. – Орёл: тип. Губ. правл., 1877 – IV, 120, 64 с,10 л. ил.
9. Пупарев А.Г. Древние городища и курганы в Орловской губернии / / Материалы для истории и статистики Орловской губернии. Т. 1. Орел: Типография Губернского Правления, 1877. – С. 59-108.
10. Свистов Е.В. Ерёменко Пётр Митрофанович: жизнь и судьба // Деснинские древности 8. Брянск: БГУ. 2016. С. 130-136.

11. Чубур А.А. Из истории археологии Брянской области. Вщижский перекрёсток: от Карамзина до Шинакова // Проблемы сохранения культурного наследии: материалы международного семинара (8 декабря 2011 года). – Брянск: Филиал НОУ ВПО «МПСУ» в г. Брянске, 2011. – С. 153-181.

Сведения об авторах:

Карпухин Артур Андреевич, аспирант факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, e-mail: ArthurkarpKarpuhin@yandex.ru

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.
Начало издания: декабрь 2016 г.
Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».
Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.
Знак информационной продукции 16+
Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).
Сайт сетевого издания: http://www.clio-brgu.ru поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

• 07 – исторические науки и археология;
• 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. ***Статьи публикуются на некоммерческой основе***.

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201
Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45
Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru